

Анатолий Рошупкин

*Журавли
вернутся...*

Альтаир
Ростов-на-Дону
2018

ББК 84 (2-РОС - 2РУС)

Р 81

Р 81   Рощупкин А.В.,
            Журавли вернутся... Сборник. – Ростов-на-Дону:
            «Альтаир», 2018, – 136 с.

Очередная книга А. Рощупкина включает в основном новые рассказы и новеллы, повесть «Поезд в деревню», несколько стихотворений.

ISBN 978-5-91951-451-0

© «Альтаир», 2018
© Анатолий Рощупкин, 2018

Рассказы

Очень короткий роман

1.

Прошло много лет, а Виктор Андреевич Зенков нет-нет да и вспоминал ту встречу на вечернем вокзале небольшого города, особенно, когда приезжал сюда по служебным делам.

Тогда, много лет назад, он аспирант местного пединститута, опоздал на электричку и не смог уехать в свой яблочный райцентр Малинино.

Возвращаться в город было не к чему, и Зенков остался здесь, на вокзале, ожидать раннего утреннего поезда.

Бросив рюкзак на до блеска отполированную пассажирами скамью в зале ожидания, Зенков плюхнулся рядом, раздумывая: постараться сразу уснуть или пойти пошататься по перрону.

Был вечер, слабые солнечные лучи прощально просвечивали сквозь редковатый строй пристанционных тополей, а из-за кленовой лесополосы всё смелее подступал сумрак – предвестник ночи.

Зенков побрёл вдоль стоящего «под парами» состава «Донецк-Москва». Пассажиры уже зашли в вагоны, лишь возле одного из них стояла маленькая женщина. Когда Зенков подошёл чуть ближе, увидел, что она очень молода, её утончённое бледное лицо было напряжено, и она неотрывно смотрела в незакрытый ещё тамбур, смотрела на кого-то, находящегося там, неотрывно порываясь что-то сказать, но тут вышла плотная розовощёкая проводница, собирающаяся захлопнуть тяжелую вагонную дверь. Женщина на перроне взмахнула рукой и крикнула:

— Почему ты не берешь меня с собой?

— Мы обо всём договорились, — загудел в ответ одновременно и басистый и бархатный мужской голос.

Тот, кто говорил, видимо стоял за спиной у проводницы, и она недовольно дёрнула широким плечом:

— Пассажир, заходите в купе!

Зенков не видел говорившего мужчину, но уже ненавидел его странный, раздвоенный голос, его спокойствие, которым он словно холодным душем обливал вытянувшуюся у вагона женщину.

— Почему ты уезжаешь, ведь у тебя еще два дня командировки? – снова крикнула она тонким, срывающимся голосом.

— Перестань, Ольга! Не рви себе, да и мне душу. Я люблю тебя, только тебя и обязательно приеду, скоро приеду...– бархат в голосе говорившего преобладал, он, наверное, махнул ей рукой, но Зенков это не видел, а видел лишь её, бросившуюся к вагону, но тут звонко захлопнулась железная дверь, и состав, дёрнувшись, пополз мимо вокзала.

Поезд ушёл, а она всё стояла и стояла на том же месте, безжизненно опустив руки, и серая косынка, словно плеть висела в правой руке.

Но вот, очнувшись, женщина медленно повернулась и побрела в сторону вокзала. Какой-то пожилой, полный мужчина деревенского вида с корзиной, наполненной яблоками, шёл ей навстречу. Столкнувшись с ним, женщина упала.

2.

Зенков подбежал, помог подняться, сверкнув глазами на оторопело стоящего со своей корзиной мужика. Тот поставил ношу на перрон, собрал раскатившиеся яблоки и стал оправдываться.

— Ладно уж, идите, без вас разберёмся, – резко сказал Зенков, – что стали, свет заслонили?

Он сказал это слишком громко, запальчиво, и оба – и мужчина и женщина, потирающая ушибленное колено, с удивлением посмотрели на него.

Зенков, поддерживая Ольгу (он теперь знал, как её зовут) под руку, привёл её в зал ожидания и усадил на ту же скамейку, на которой совсем недавно лежал его рюкзак.

— Как вы себя чувствуете, – спросил он, садясь рядом, – может – в травмпункт?

Девушка отрицательно покачала головой, но больше ничего не сказала, продолжая потирать колено и смотреть в широкое вокзальное окно, в ту сторону, куда ушёл московский поезд.

В окне всё явственнее обозначался вечер, станционные фонари освещали молодые клёны, посаженные вдоль вокзала. Первые робкие звёзды появились на темноватом небе, но уже где-то рядом была светлая часть ночного неба, вот-вот должна была появиться луна, чтобы начать хозяйничать над вокзалом, над всем маленьким древним городом.

— Вам помочь? — опять спросил Зенков, всё ещё толком не разглядев Ольгу. Она повернула к нему лицо, и он увидел большие карие глаза, каштановые волосы, рассыпанные по смуглому лбу. Увидел, какая она ладная, молодая.

Он обрадовался её красоте, её молодости и этому взгляду — не испуганному, а спокойному, внимательному.

— Простите, я доставила вам неудобства,— сказала она и попыталась улыбнуться,— беспокоиться обо мне не надо. Я сейчас посижу и уеду в город. А вы куда едете?

Он объяснил, она кивнула, потом встала и, подойдя к окну, долго стояла молча. Багряные кленовые листья парашютиками опускались на землю, на пакгаузы, на темнеющие на запасных путях вагоны.

В зале ожидания людей было мало. Кроме Зенкова и Ольги на скамье в углу похрапывал знакомый мужчина, недалеко от него ворковала стайка девчонок, потом и они ушли.

— Вас проводить до остановки? — нарушил тишину Зенков.

— Зачем? Куда? Мне и ехать-то некуда,— она не вздохнула, а словно выдохнула, вытолкала из себя сгусток душевной боли.— Тётка уверена, что я уехала в Москву и ушла куда-нибудь, а ключей у меня нет...

— Тогда вам ничего не остаётся, как составить мне компанию,— сказал Зенков и усмехнулся.

— Вам? Компанию? — она повернулась к собеседнику всем телом и внимательно посмотрела ему в глаза.— А вы мне не хотите составить компанию?

— Всегда пожалуйста,— Зенков ответил весело, браво, но уже в следующую секунду пожалел об этом. Ольга продолжала без улыбки смотреть на него, хотя мысли её были далеко — он это чувствовал.

— Давайте погуляем по кленовой аллее...

— Давайте,— он удивился её такой простой просьбе, пропустил вперёд и вышел следом из высоких дверей вокзала.

3.

Они двинулись вдоль железнодорожных путей. Вечер ещё не превратился в ночь, сопротивляясь сумраку, надвигающемуся на маленький вокзал, на стоящие рядом домики, в которых наверное жили семьи железнодорожников.

За строем кленовой аллеи опускалась багровая заря, всё окрашивая в особый, экзотический свет, всегда волнующий Зенкова, вызывающий то ли душевную тоску по чему-то несбывшемуся, то ли неуверенность перед тем, что должно случится в его жизни.

Среди клёнов росла одинокая искривлённая береза, и Ольга направилась к ней. Боком присев на изгиб берёзы, она чуть приподняла голову, закрыла рукой глаза и замерла в таком положении. Зенков стоял рядом, не зная, что ему делать, что говорить.

— А я знаю, как вас зовут,— сказал он.

— Откуда? — спросила она, не открывая глаза.

Он рассказал.

— Понятно,— она вздохнула,— а мне совершенно безразлично, как вас величают...

Но она тут же открыла глаза и вдруг схватила его за руку и потянула к себе. От неожиданности он невольно покачнулся и чуть было не упал на неё, успев опереться о берёзовый ствол.

Ольга вскочила и вдруг прижалась к Зенкову, обеими руками обняла за шею и затихла у него на груди, словно птица, спрятавшаяся от непогоды.

От этих прикосновений у Зенкова закружилась голова и задрожало сердце, вдруг по-особому застучавшее, как бы живущее отдельно от него, Зенкова.

На миг она подняла голову, и он увидел раскрытые навстречу ему губы, и тут же прильнул к ним своими губами, как бы сливаясь

с Ольгой, растворяясь в ней. Её теплота вошла в него, и он уже весь был во власти этого прикосновения, этих минут безумия, которые случаются между мужчиной и женщиной...

Он ничего не смог вспомнить потом кроме необыкновенной нежности к ней, внезапно вспыхнувшего огня в своём сердце и ещё... шороха сухих осенних листьев, насыпавшихся под одинокой берёзой.

Он помнил, как они лежали на этих листьях и он укрывал её своей курткой, как Ольга, оторвавшись от Зенкова, то ли плакала, то ли смеялась. Он вновь обнял её, заслоня от лёгкого ветерка, прилетевшего из-за кленовой аллеи.

— Я ведь правда понравилась тебе? — Спросила она, закрывая ему рот ещё одним поцелуем и мешая ответить.

— Правда,— выдохнул Зенков, когда она вновь легла рядом и стала смотреть вверх, на звёзды, только появившиеся в своей невообразимой вышине.

Ему показалось, она уснула, забылась, но вдруг вскочила и вскрикнула:

— Отвернись, быстрее!

Он перевернулся и лёг на грудь, и пока она приводила себя в порядок, не знал, что будет дальше, о чём они будут сейчас говорить. Но, закончив свои дела, она присела рядом, стала гладить его волосы.

— Ты извини меня, я не знаю, что со мной произошло, зачем всё это случилось...

— Ты тоже прости меня,— сказал Зенков, вставая,— воспользовался, понимаешь, чужим горем...

Он вновь хотел обнять её, но её последние слова словно выстроили преграду между ними, и он стоял перед этой преградой, не решаясь её нарушить.

— Ты не извиняйся,— сказала Ольга,— спасибо, что ты сейчас рядом, именно ты — хороший человек, я это чувствую, что хороший, а мог бы оказаться кто-то другой, плохой, и это было бы ещё ужаснее...

Ольга поправила серую косынку на шее и быстро пошла в сторону вокзала. В зале ожидания они вновь сели на ту же скамью. Опять перед ними было широкое окно, словно экран, где показывали жизнь ночного перрона. Вскоре стало совсем темно, под светом фонарей резче обозначились предметы за окном.

Знакомый мужик, расстегнув жёлтый ватник и растянувшись на скамье, безмятежно спал, свесив поросшую светлыми волосами большую руку. Опрокинутая корзина валялась рядом, а яркие краснобокие яблоки, словно пасхальные яйца, раскатились по полу.

— Я всё же поеду домой,— буднично сказала Ольга и положила руку на ладонь Зенкова.

— Я провожу,— он быстро поднялся.

4.

На остановке было безлюдно. Автобусы уже ходили реже, и они долго стояли под шиферным навесом.

Ольга тесно прижалась к Виктору, но сначала это прикосновение было другим, не таким, как там, в кленовой аллее. Казалось, каждый думал о своём. Но когда она, насмотревшись на звёздное небо, повернула лицо к нему и её широко распахнутые глаза упёрлись в его глаза, он внезапно опять ощутил чувство нежности к ней.

Зенков обнял Ольгу за плечи, прижал к груди, и она вдруг как несколькими минутами раньше прижалась к нему губами, а потом спрятала лицо у него на груди.

— Ты вправду полюбил меня? — спросила она тихо, как ему показалось, испуганно.

— Да, с тех секунд, как увидел,— Зенков почувствовал, как снова потеплело у него на сердце после её вопроса, как быстро тает страх, что встреча эта — неправдоподобная, невзоправдашняя, словно мираж...

Да, он уже любил эту маленькую, внезапно появившуюся в его жизни женщину. Там, в кленовой аллее, она успела рассказать о недавней смерти родителей, ушедших один за другим, о неудачном замужестве, о грубости тётки, уговорившей её продать отцовский дом в деревне и забравшей деньги себе. Теперь она жила у неё на положении квартирантки.

Ольга была несчастна, неустроенна, но это её состояние уже было не только её, но и его, Зенкова состоянием, и он начал её успокаивать и обещать, что сделает всё, чтобы она не была несчастной и неустроенной.

Она повела головой, грустно улыбнулась, соглашаясь с ним, но было что-то недоговоренное, недорешённое. И Зенков понял, что – уехавший в Москву человек.

– Возникнет ли он вновь? – прямо спросил Виктор.

– Нет, не возникнет, – ответила она и вновь поцеловала его страстно, откровенно, как целует давно знакомая женщина. – Ты меня простишь за него?

Он ничего не ответил, лишь крепче сжал её плечи, обтянутые серым драповым пальто.

– Мы будем вместе, всегда, – сказал он через некоторое время. – Ты мне веришь?

– Верю, милый, конечно, верю, – отозвалась она, но в это мгновение какая-то печальная непрозвучавшая, но осязаемая нотка возникла и погасла в его сознании.

Под тусклым светом ночного фонаря он вынул из кармана куртки затёртый, старый блокнот и огрызком карандаша нацарапал на листке её адрес, который она продиктовала.

Наконец подъехал автобус. Пассажиров в нём было мало, и Ольга, пройдя по салону, выбрала место у окна, напротив стоящего на земле Зенкова. Она улыбнулась ему и помахала рукой.

– Я обязательно приеду, – сказал Зенков, и она не услышала, а поняла эту фразу по его губам.

– Я приеду, – опять сказал он, слыша, как захлопываются автобусные двери – гармошки.

– Я буду ждать, милый, – сказала она, не отрывая от него глаз, и он тоже по губам понял, её слова, улыбнулся и на прощание поднял вверх обе руки.

Автобус уполз за поворот, а Зенков ещё долго стоял на пустой остановке, почти физически продолжая ощущать и нежность к уехавшей Ольге, и горечь прощания с ней, и необъяснимую, щемящую на сердце тревогу.

5.

Возвратившись домой, в Малинино, Зенков всё время думал о неожиданной встрече, до мелочей вспоминая её, сто раз проигрывая в уме случившееся. Как не старался, но быстро в город он вые-

хоть не смог – заболел учитель физики, и Зенкову кроме своих пришлось вести и его уроки. Он начал считать дни до осенних каникул. И когда они наступили, сразу поехал к Ольге.

Эта поездка ему запомнилась от начала и до конца. В утренней электричке сидели бабы с сумками и вёдрами, наполненными фруктами. Они ехали на городской рынок. В вагоне пахло свежей антоновкой, штрифелем, грушами.

Зенков сидел между говорливыми кумушками, но шум не мешал ему, мысль работала чётко. Он думал, как наконец-то обрадуется мать, когда он привезёт Ольгу к ним в тихий дом, как захлопочет она на увитой плющом веранде.

Выходя из поезда на вокзале, он не спеша оглядел ещё более поредевшую, почти напрочь избавившуюся от листьев кленовую аллею, заметил огромную кривую берёзу и заспешил к автобусной остановке.

В этом городке он всё знал, – за время своего студенчества где только не был, и потому уверенно нашёл улицу Северную, вплотную примыкающую к городскому саду, в котором по вечерам чуть ли не каждый день играл духовой оркестр.

Зенков подошёл к дому № 10, увидел крашенный металлический забор, узкую деревянную, слегка покосившуюся калитку. На окнах дома были резные ставни, но краска в некоторых местах сползла, обнажив тёмные прогалины.

Зенков со скрипом открыл калитку и шагнул во двор. Он был почти пуст, лишь рядом с невысоким крыльцом красовалась цветочная клумба. Цветы были уже поникшие, но некоторые ещё красовались, сохраняя в себе частицу уходящего лета. Видно, за клумбой тщательно ухаживали.

Взбежав по жалобно скрипнувшему под ним ступенькам, Зенков нажал на кнопку звонка. Было тихо, казалось в доме – никого. Он громко постучал кулаком в дверь.

- Кто там? – раздался хриловатый женский голос.
- Добрый день! Я – к Ольге. Можно её увидеть?
- Кто вы? – Он почувствовал, как там, за дверью женщина затягивается сигаретой.
- Друг.

— Друг? Знаем мы этих друзей, – захохотал засов, и дверь открылась. Осанистая женщина средних лет с крашеными рыжими волосами, появилась на пороге. Запахивая плюшевый халат, она на миг раскрылась, сверкнув тяжёлыми обнажёнными грудями.

— Так чего тебе? – она держала одной рукой сигарету, другой придерживала полы халата и смотрела поверх головы Зенкова.

— Я уже сказал. Мне – Ольгу.

Она помолчала, потом оценивающе окинула взглядом Зенкова.

— Вы что не слышите? Где Ольга? Она тут живёт? Может я ошибся адресом?

— Тут, тут, – сказала хозяйка, уже не спуская с Зенкова глаз. – Тут она живёт, милоч. Вернее, жила. Уехала твоя Ольга в Москву. Дня три как уехала. Как прибыл её Николай Семёнович, так и уехала. А что – хороший человек. Вежливый, культурный, добрый – целый ящик шампанского привёз. Две бутылки ещё осталось. Хочешь, пойдём – допьём!

— Как уехала? Почему? – остолбенело спрашивал Зенков, и сердце его стремительно падало вглубь тела. – Она же обещала ... ждать.

— Ладно, не горячись. Вижу, малый ты дельный, расскажу тебе всё рядком. – Хозяйка прислонилась спиной к открытой двери, опять затянувшись сигаретой. – Она ведь с ним, Николаем-то, ещё с месяц назад познакомилась. На семинаре каком-то. В гостинице у него жила с неделю. Он сначала бортанул её, а теперь возвратился, забрал. Обещал жениться. Паспорт чистый показал – говорит, с прежней своей – задница об задницу. Выпили тут с ним, посидели у нас на кухне. Насовсем, говорит, уволю я вашу Ольгу, Елизавета Тихоновна. Меня Елизаветой Тихоновной зовут. А тебя?

Зенков молча слушал, повернув голову в сторону, где внизу под домами, стоящими на взгорье, извилистая синеватая лента реки медленно и равнодушно текла в сторону Софийского собора.

— Так ты слушаешь, паря? – Елизавета Тихоновна чихнула и давно истлевшая сигарета вывалилась из её полноватых вывернутых губ. – Что тебе ещё рассказать? Спасибо мне Николай Семёнович сказал за Оленькино воспитание, денег дал. Хороший человек!

А эта, – хозяйка сузила и так маленькие глаза, – Оля-то, даже руку на прощанье не подала. Неблагодарная!

Тётка замолчала, вновь кинула взгляд на Зенкова и сказала:

— А что ты так расстроился? У тебя этих Олек ещё вагон будет и маленькая тележка – вон ты какой статный, прямо Штирлиц вылитый...

Она пошловато засмеялась, пригладила рукой волосы и опять перезапахнула халат.

— А то зашёл бы. Шампанским угощу, чаю попьём...

Зенков резко повернулся и словно слепой шагнул с крыльца, угодив левой ногой в цветочную клумбу. Из двери, видя это, грязно заругалась Елизавета Тихоновна.

Виктор плохо помнил, как шёл к автобусной остановке, как ехал на вокзал, как брал билет на электричку.

Лишь в вагоне, когда за окном побежала знакомая кленовая аллея и мелькнула одинокая березка, он опомнился. Мыслей не было, сердце давила тоска-кручина. Потом, когда уже сошёл в Малинино и брёл мимо своей школы, мимо большого красивого Дворца культуры, откуда слышалась репетиция хора, ему стало легче: боль внутри стала уменьшаться, таять, но совсем не ушла. Зенков вдруг остро понял, как впервые безжалостно, наотмашь ударила его судьба...

6.

Многие годы он ничего не знал об Ольге. Жизнь его текла степенно, как планировал и даже лучше. После окончания аспирантуры защитил кандидатскую, лет семь директорствовал в районном лицее, потом его перевели в область, где Зенков три года поработав заместителем регионального министра общего и профессионального образования, возглавил это ведомство. Поговаривали, что губернатор присматривается к Зенкову, как к своему потенциальному заместителю...

Он стал профессором, доктором наук. Много ездил по области, бывал за границей, в Москве, Питере, проводил семинары и совещания, встречался со множеством людей. Как-то заехал в городок своей юности. В стенах когда-то пединститута, а теперь университета

имени Ивана Бунина прочитал большую лекцию, заслушал доклады директоров нескольких школ и лицеев...

Когда мероприятие закончилось, Зенков пошёл к гардеробу, чтобы получить своё пальто. Приняв его от невысокой пожилой женщины, у широкого зеркала стал одеваться.

— А я вас узнала,— сказала гардеробщица, наблюдая за ним,— вон вы каким большим начальником стали! И не подумала бы...

Повернув голову в сторону говорившей, Зенков узнал её. Это была Елизавета Тихоновна.

Она сильно постарела, стала ещё приземистее, раздалась в бёдрах и волосы её были теперь не крашеными, а редкими, седыми. Старческие прожилки украшали лицо когда-то разбитной розовощёкой женщины.

— Как поживает ваша племянница? — спросил Зенков, продолжая смотреть в зеркало и застёгивая верхнюю пуговицу пальто.

— Так нет Ольеньки,— на глазах старухи появились слёзы,— давно нет. Восемь лет как померла...

— Что же с ней случилось,— уже одетый Зенков подошёл поближе к гардеробной стойке.

— Вышло-то не очень хорошо. Не повезло девке. Что-то не заладилось у них с Николаем Семёновичем. В скорости как поругались, ушла она от него. На какой-то завод устроилась, в общежитии жила, потом за вахтёра вышла, забеременела. А при родах, значит, и умерла сердешная,— тётка заплакала,— и ребёночек — тоже. Сама я, правда, всё это не видела, она мне вообще не писала, а вот соседка моя нынешняя, Серафима, про все эти дела и рассказала — работала вместе с Олечкой там, на заводе... Так что нету племянницы, жалко кровинушку!

Зенков хотел в сердцах напомнить собеседнице о тех обидах, которые нанесла Ольге, она, родная тётка, но в этот момент к гардеробу подошла группа участников семинара, и Елизавета Тихоновна кинулась их обслуживать.

Зенков медленно шёл по широкому коридору университета к выходу, всё ещё не отойдя от разговора с гардеробщицей. Перед ним словно живые стояли глаза Ольги — той, далёкой, молодой,

встреченной на вокзале. Остро заняло сердце, словно вспоминая то состояние, которое ему пришлось пережить много лет назад.

В кармане итальянского костюма-тройки запел телефон. Звонила жена.

— Бельчик мой,— заворковала она,— смотри не останься там на ночь.— Знаю, сколько у тебя в этом городе друзей-товарищей. Зазовут, напоят, приведут в нерабочее состояние. Все они таковы, пока ты при должности, а что случись — и здороваться перестанут...

— Ты мне для этого позвонила? — спросил Зенков.— И сколько можно просить не называть меня «бельчик мой»? — Он почти кричал в трубку, и там, в большой квартире областного центра жена замолчала, словно поперхнувшись. Зенков уже подумал, что она выключила телефон, но тут же услышал её рыдания.

— Как тебе не стыдно так со мной разговаривать? Что ты злишься? Я всю жизнь тебе отдала, а теперь и слова не могу сказать! Извини за беспокойство. Просто хотела сообщить, что сын с семьей из Лондона возвращается. Ты же знаешь, как он ценит твоё внимание, как внучка по тебе скучает...

— Ладно,— примирительно сказал Зенков,— конечно, приеду. И к самолёту успею...

У выхода из университета его догнал ректор, юркий, подвижный, но уже в солидных годах человек, и стал приглашать на банкет. Зенков поблагодарил и отказался, сославшись на занятость.

Выйдя из здания университета, он глубоко вдохнул осеннюю свежесть и сел в серебристый «Форд».

— Домой,— скомандовал он водителю.

7.

Путь лежал мимо старого величественного Софийского собора, автором которого был тот же архитектор, который построил и несколько башен московского Кремля. Когда приблизились тяжёлые, полуоткрытые двери собора, Виктор Андреевич попросил притормозить, и вышел.

Вновь как и тогда, во время встречи с Ольгой, была осень, на асфальтированных дорожках, тянувшихся вдоль собора, ветер гонял жёлтые листья, сорвавшиеся с высоких берез.

Зенков вошёл во внутрь храма. Там заканчивалась служба. И когда она закончилась и дьяки унесли все атрибуты, люди стали потихоньку покидать затемнённое помещение, Зенков наклонился к маленькой старушке в чёрном платке и шёпотом спросил, где можно поставить свечку за упокой души.

Она отвела его к нужному месту, и он увидел, как много свечей уже горит перед изображением распятого Христа.

Свеча, которую он купил в церковном киоске, разгоралась, медленно, неторопливо, колеблясь и потрескивая. Зенков испугался, что она потухнет, но через две-три секунды огонь свечи качнулся и ярко вспыхнул, сравнявшись с теми огнями, которые горели рядом.

Виктор Андреевич вырос атеистом, но в последнее время всё больше думал о религии, чувствуя её душой. И сейчас, не спуская глаз с яркого белого огня свечи, ему захотелось, чтобы Ольга, там, в небытие, почувствовала его, ещё живущего на грешной земле, поняла, что пока он жив, будет помнить её и благодарить за то, что случилась в его жизни их первая и последняя встреча.

Жизнь Калерии

1.

Калерия жила на втором этаже старого кирпичного дома, стоящего на краю рабочего посёлка. Из узкого, словно бойница, окна её комнаты можно было увидеть колхозное поле, ежегодно разное – то пшеничное, то кукурузное, но чаще люцерновое.

Ребёнком Калерия любила бегать по едва видимой полевой стёжке и, разбежавшись, стремительно падать в густую упругую люцерну.

Тогда ей казалось, что эта окраина посёлка с несколькими осанистыми двухэтажными дореволюционными домами, словно отяжелевшими от времени, поле и берёзовая роща, видневшаяся за ним, и есть её мир. Так и было. Но время шло, промелькнули детство, юность, на закате была и молодость, а Калерия всё продолжала жить в темноватой двухкомнатной квартире с больной матерью. Год назад измучившая своей болезнью и себя и дочь, мать умерла.

Придя с кладбища, Калерия села к окну и долго смотрела на то место, где когда-то было поле, а теперь не по дням, а по часам вырастали стены торгового центра. Стройка уже загораживала всё, к чему привыкла Калерия: и поле, и рощу и часть неба.

Калерия сидела у окна, безжизненно опустив руки на колени, не зная, как теперь жить без матери. Перед глазами вновь и вновь возникал её образ, вечно суетившейся, с тихим испуганным голосом. Весь свой недолгий век мать прожила в этой старой квартире, оставшейся ей от отца-железнодорожника. Мать и сама много лет работала дежурной по станции. Нередко, идя на дежурство, брала с собой Калерию, которую не с кем было оставить – муж, отец Калерии, ушёл от неё перед самыми родами... Замуж больше мать не выходила.

Чувства Калерии растворились в навалившемся горе, хотя уход матери был неизбежен, о чём предупреждали врачи.

Калерия отошла от окна и села на маленькую скамеечку, где мать любила сидеть с пальцами, и тонким, почти детским голосом, напевать с юности полюбившиеся ей песни. Что чаще всего она пела:

Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту...

Калерия, до этого мига не проронившая ни слезинки, вдруг заплакала громко, навзрыд...

Уже лёжа в своей комнате на неразобранной кровати, Калерия подумала о том, как мало людей пришло проститься с её матерью. И о том, что завтра надо будет идти на работу – в бухгалтерию стекольного завода. Это не обрадовало Калерию. А чему радоваться-то? На работе её считали старомодной, недотёпой, в общем – «белой вороной».

Она и впрямь, словно на машине времени прибыла из какого-нибудь семидесятого года прошлого века: и говорила с деревенским акцентом, и одевалась не по моде, и заступиться за себя толком не могла.

— Калюша, ну что ты такая? – иногда не выдерживала её соседка по кабинету, эффектная Ангелина. – Когда же ты жить-то начнёшь? Познакомилась бы с кем-нибудь – не старуха ещё чай... Или всё Колю своего никак забыть не можешь?

В речи подруги звучали одни вопросы. Все они были риторическими. Да, так живёт, да никак не забывается Коля – его синие глаза, нежные сильные руки, слегка пахнущие соляжкой, мальчишеский голос, порывистое дыхание возле её лица...

Они познакомились на том самом люцерновом поле, где юная Калерия лежала на густой траве и смотрела в высокое, еще не застроенное никакими зданиями безоблачное небо. Сине-фиолетовое поле убаюкивало Калерию лёгким шелестом люцерновых стеблей, словно тихой песней матери, когда она укладывала на ночь маленькую Калю в деревянной кровати.

— Эй, девушка, нельзя так прятаться – наехать мог, – услышала она вдруг рядом с собой звонкий голос. К ней подошёл и теперь

насмешливо глядел на неё сверху вниз стройный невысокий парень, водитель колёсного трактора, к которому была прицеплена косилка.

— Ой! – Калерия встrepенулась, села и одернула лёгкое ситцевое платье – Задумалась, не заметила... Извините.

— Нет, не извиняю, – тракторист был явно в хорошем настроении. – Я вас практически спас, так что с вас причитается...

— Что причитается? – растерялась Калерия и покраснела.

— С учётом того, что я порядочный человек и убеждённый трезвенник, никаких корыстных желаний не имею. А вот если вы сегодня вечером пойдёте со мной в клуб на танцы, то дело можно уладить...

И он так светло улыбнулся, что она поверила ему, почувствовала, что ничего плохого он ей не сделает.

Потом, по прошествии нескольких лет, вспоминая эту первую встречу, Калерия так и не могла понять, почему она сразу поверила ему, пошла и на танцы, и в кино, и ещё куда-то, куда Коля водил её.

Месяца через полтора Коля, человек прямой, без всяких-яких, позвал её замуж. Мать, узнав об этом, порадовалась: наконец-то её Каля будет пристроена, а может, чем Бог не шутит, она и внуков понычнить успеет...

2.

С приходом осени обильно падали листья клёнов, и, когда они шли в загс подавать заявление по старой аллее, несколько бронзово-красных, словно специально разрисованных листьев опустились на кудрявую голову Коли, застряли в волосах, и он, потрогав их рукой, засмеялся:

— Вот и корона на голове. Так что я – король, а ты, естественно, – королева.

И крепко поцеловал Калерию, на миг остановив её. Она вырвалась, испуганно оглядываясь:

— Ты что, кругом же люди...

— Хорошо, когда кругом – люди, а не звери, – Коля опять засмеялся, и она успокоившись, покорно пошла рядом.

Коля и Каля. «Судьба», – подумала она о схожести имён.

Странно, но потом, через много лет, Калерия никак не могла вспомнить их последнюю встречу. То ли он проводил её до навесного моста, то ли – до палисадника, где росли молодые березки, поса-

женные во время субботника старшеклассниками местной школы. Школа была новая, светлая, стёкла её широких окон отражали яркий утренний свет, слепили Калерию, и она плохо видела лицо Николая. Вот это запомнилось, а всё остальное выветрилось из памяти, как бы стёрлось, растворилось в горестных мыслях и тоске по несостоявшемуся счастью.

3.

Колю хоронили пасмурным днём. Глядя, как двое немолодых мужчин с одутловатыми морщинистыми лицами начинают широкими грабарками бросать влажную землю на гроб, она думала почему-то о матери, ожидающей её дома, и ей было стыдно перед ней, что не получилось того, что мать ждала... Пожениться Коля и Каля не успели. Через неделю после подачи заявления в загс, у самого её дома Колю сбил на жигулях-шестёрке пьяный поселковый пацан Жека.

Коля умер не сразу. В больнице после операции он открыл глаза, но ничего сказать не мог. Лишь смотрел на Калерию, которую ненадолго пустили к нему. Она сидела молча, без ощущения страха и беды, не веря в страшное. Она гладила его руку, лежащую поверх байкового одеяла, пыталась улыбнуться, но вдруг увидела, как маленькая блестящая слеза, словно бусинка, выкатилась из краешка левого глаза Коли и поползла по бледной щеке. И Калерия со страхом поняла: Коля прощается с ней...

4.

Теперь Калерии было уже тридцать шесть лет. После Коли у неё никого не было, хотя мужчины обращали на неё внимание: несмотря на свою старомодность, она не утратила женского обаяния, была по-девичьи стройна, с правильными чертами лица, с ямочкой на правой щеке, когда улыбалась, и тихим голосом, за которым угадывалась ненаигранная человеческая скромность.

Были и провожания, и походы на танцы. Но, когда дело доходило до объятий, Калерия отстранялась, ссылаясь на всё, на что можно сослаться, и быстро уходила... Образ Коли не отпускал её, словно Коля был жив и лишь на время отъехал в соседний город...

Долго вокруг Калерии ходил главбух Константин Иванович, крупный, молодящийся мужчина, лет сорока пяти с красивой седеющей шевелюрой. Несколько раз в конце рабочего дня он заходил в кабинет, где работала Калерия, как обычно допоздна, в очередной раз, отпустив пораньше Ангелину по её просьбе.

Константин Иванович долго сидел молча, глядя на свою сотрудницу. Она терялась, краснела. Такие встречи были для неё пыткой. Иногда главбух говорил Калерии ласковые, как ему казалось, слова, но в основном речь его перетекала в жалобы на судьбу, на рассказы о неладах с женой, безобразиях взрослеющего сына.

Как-то Калерия не выдержала и спросила: зачем он это всё ей рассказывает? Константин Иванович заюлил, не смог толком ответить, но на другой вечер, когда он предложил подвезти её домой, а она согласилась, главбух признался, что давно не равнодушен к Калерии, что готов на всё, лишь бы они были вместе...

«Тойота» подъехала к дому Калерии и остановилась. Константин Иванович, заглушив мотор, стал ждать ответа на своё признание. Калерия сидела рядом с ним в полутёмном салоне автомобиля, и ей вдруг стало так тяжело и тоскливо, словно только что случилась какая-то беда, и она беззвучно заплакала.

Константин Иванович, поняв это по-своему, порывисто обнял Калерию, большими тёплыми руками, прижал к себе и хотел поцеловать. И тут она словно очнулась. Резко, даже грубо оттолкнув главбуха, выскочила из автомобиля и, громко захлопнув дверцу, быстро пошла к подъезду...

5.

Она привыкла к одиночеству. Из подруг у неё была лишь Ангелина, да и то потому, что работали в одном кабинете. Ангелина относилась к ней сколь участливо, столь и насмешливо. Они были из разных миров. Их дружба многих удивляла. Что нашла в этом «синем чулке» Калерии остроумная красавица, постоянная участница модных тусовок Ангелина – никто понять не мог. Калерия знала ответ, чувствовала, что дружба эта нужна больше Ангелине. Рядом с Калерией та становилась проще, откровеннее, с неё, как старая шкура со змеи, сползала позолота гламура, и Ангелина начинала

вспоминать детство, юность, первую любовь, не очень счастливую в общем-то долю, что выпала ей...

Но потом приходила реальность повседневности. Ангелине звонили друзья, она наскоро отпрашивалась у Константина Ивановича, предупреждала Калерию и уходила раньше положенного времени с работы, а по утрам нередко опаздывала... Усевшись за свой стол, стоящий у окна, долго молчала, искоса посматривая на Калерию, усмехалась:

— Ну что, монашка ты наша, осуждаешь? Ты на себя погляди. У тебя-то, что хорошего в жизни?

Иногда Ангелина в порыве откровения признавалась, что все эти гулянки она скоро бросит, начнёт новую жизнь, как следует займётся воспитанием сына. И тут же звала Калерию на очередную тусовку «отдохнуть душой». Калерия отказывалась.

Но вскоре увидеть мир Ангелины, побывать в нём ей всё же пришлось. Повод был весомый. Ангелина в третий раз собралась замуж, и в красивом ресторане, расположенном в центре посёлка, должна была состояться свадьба.

6.

Калерию Ангелина пригласила чуть ли не первой, и та пришла. Пришла слишком рано, в зале ресторана ещё только сдвигали столы и расставляли стулья с высокими изогнутыми спинками. Коренастый лысоватый распорядитель удивлённо посмотрел на Калерию, одиноко приткнувшуюся на диване в уголке.

Ей стало стыдно. И тут она «дала в штангу», как любила говорить Ангелина о чьей-либо неудаче. Калерия встала и пошла на улицу. Знакомый палисадник, где они много лет назад гуляли с Колей, было не узнать: он разросся, деревья постригли. Вокруг появилось много новых домов и красивых магазинов, и там, где они шли в загс, стоял большой и красивый автосалон с иностранной вывеской.

Она редко бывала в центре посёлка, который всё больше переростал в городок, и теперь шла будто по незнакомому месту. Не было уже ни кленовой аллеи, ни берёз, посаженных школьниками.

В ресторане было шумно, гостей собралось много, и это не понравилось Калерии. «Господи,— думала она, сидя среди гостей,— и оглядывая заставленные закусками и бутылками столы,— зачем

Ангелина ходит в нашу зачуханную бухгалтерию, если может так отметить свою свадьбу?»

Калерии было неуютно сидеть среди шумных людей, и она затосковала, изредка поглядывая в центр застолья, где восседала величественная Ангелина с женихом. Калерия отвлеклась и не заметила, как та подошла и, присев рядом, прошептала в ухо:

— Ну что ты, горе моё луковое? Опять что-то не так? Что хмуришься? Посмотри, сколько мужиков! А ну переставай грустить,— Ангелина притопнула каблуком,— ты хоть выпила?

И, увидев пустой бокал возле подруги, доверху наполнила его красным вином.

— Давай за мою счастливую жизнь! — Ангелина обняла Калерию обнажённой до плеч рукой и поцеловала в щёку.

Они выпили, и хмель быстро ударил в голову. Калерии стало весело, и она почувствовала, как посветлело вдруг в зале. Подняв голову, увидела резные люстры в голубом орнаменте, и смех стоявшей напротив молодой женщины в тёмно-синем декольтированном платье показался ей переливом лесных колокольчиков, которые она слышала в детстве, гуляя в берёзовой роще.

— Ну вот, видишь, как здорово! — Ангелина встала, чтобы уйти к жениху,— Каля, лапочка, живи легче, плюнь на всё, что томит душу... Вон Женька Руднев стоит — мужчина деловой, с деньгами, правда, два раза женатый. Да и ты не девочка. Прислать?

Калерия пожала плечами. Женька подошёл, присел напротив Калерии, попытался увлечь её разговором, пригласил на танец, но, чувствуя холодность партнёрши, нашёл повод вежливо уйти за другой стол, где во всю властвовало свадебное веселье и уже замеченная ею блондинка в тёмно-синем декольтированном платье звонко смеялась, запрокинув стриженую голову.

Пока шла свадьба, Ангелина ещё несколько раз обходила гостей, приближалась и к подруге по работе, чокалась, пригубляя вино в хрустальном бокале.

Калерия видела, что, несмотря на веселье, глаза Ангелины были грустными. Наверное, она уже думала о предстоящей семейной жизни, которую надо начинать в третий раз...

Однажды, после пресловутых выкриков «Горько!», Ангелина вдруг поднялась, крикнула, чтобы выключили магнитофонную музыку и запела сильным красивым голосом:

Калина красная,
Калина вызрела.
Я у милёночка
Характер узнала...

Все подхватили, не удержалась и Калерия, чувствуя, как уже не от вина становится теплей на сердце, а рядом сидящие люди, опять показались милыми, добрыми, участливыми...

7.

Когда стали расходиться, Ангелина вновь подошла к подруге вместе с двумя мужчинами. Полноватый, слегка нетрезвый с аккуратной лысиной жених и высокий светловолосый парень, чем-то неуловимо похожий на Ангелину.

— Вот она, моя дорогая подруга,— сказала невеста и тяжело плюхнулась на соседний стул,— прошу любить и жаловать...

— Наконец-то видим живую легенду,— жених полуобнял Калерию так, что та сжалась, и чмокнул её в щёку,— про вас Геля мне все уши прожужжала: «а что на это скажет Каля», «А как бы сделала Каля»...

Он громко засмеялся, и Ангелина дёрнула его за руку. Новоиспечённый муж замолк и, пробормотав «мерси», пошёл к выходу кого-то провожать из гостей.

— Что ж, и любить и жаловать готов! — молодой человек улыбнулся, и на его правой щеке появилась ямочка. «Как у меня»,— подумала Калерия.

— Ну-ну, ты, Казанова, помолчи,— сказала Ангелина, поднимаясь со стула и вновь становясь красивой и величественной,— знакомься, Каля,— мой отпрыск от первого брака под наименованием Тимур. Так папа, дагестанец, назвал. С ними, мужиками, разве поспоришь...

— А вовсе и не похож на дагестанца,— сказала Калерия и вдруг неожиданно для себя провела рукой по светлой шевелюре парня. Тимур опять улыбнулся и поцеловал руку Калерии.

— Ты вот что, Казанова,— Ангелина слегка хлопнула ладонью по спине сына,— проводи-ка тетю Калю домой, раз не нашла она себе провожатого. Ночь уже, мало ли... Да и делать тебе нечего — Катька твоя по Риму разгуливает...

— Лина, не надо, я сама дойду,— засуетилась Калерия, вставая из-за стола и чувствуя слабость в ногах — зачем человека тревожить?

— Какой он человек! — Мать засмеялась и любовно обняла сына за плечи,— он у меня ещё маленький и глупый... Выполняй задание, стервец!

— Всегда готов! — «Стервец» щёлкнул каблуками и пионерски приложил ко лбу правую руку. «Видимо, в кино видел»,— подумала Калерия и вздохнула. Ей не хотелось идти домой, возвращаться в своё одиночество, не хотелось расставаться с Ангелиной, которую издали жестами подзывал муж, стоящий в компании друзей.

Калерия попыталась снова отказаться от провожатого, но подхваченная Тимуром под руку, покорно пошла рядом с ним к выходу из ресторана...

8.

Ночная улица была пустынна. Луна светила с молчаливой мощью, её серебристо-пятнистая краюха висела низко, казалось, стоит протянуть руку и светило можно потрогать...

Где-то недалеко просвистел электровоз, и какая-то птица, громко шелестя крыльями, взлетела с крыши водокачки, испугав Калерию, и спряталась в глубине старых тёмных дворов.

В этот миг Калерия невольно прижалась к Тимуру и он, плотнее и мягче взял её под руку и не отпускал, пока они не пришли туда, где она жила.

— Вот это у вас крепость! — воскликнул Тимур, входя в тень широкого кирпичного дома. В наступившей темноте, он слегка замедлил шаг, стараясь разглядеть узкую дорожку, по которой каждый день ходила Калерия.

Пока шли по улице, Тимур шутил, рассказывал о поездке их компании на Байкал, что-то смешное вспомнил о маме, но Калерия, то ли от выпитого, то ли от тоски, вдруг пришедшей к ней после ух-

да из ресторана, почти не слышала его. Она радовалась за Ангелину, но в душе была пустота. Может она завидует подруге? Мысль эта в какой-то степени была видимо правдивой, и Калерии стало стыдно за эту мысль. Она вдруг пожалела, что пошла на свадьбу – что-то сдвинулось в её душе, нарушилось, закачалось...

– Так что, пришли? – спросил Тимур.

Они стояли возле подъезда, и он всё не выпускал её руку.

– Пришли, – Калерия высвободила локоть из цепких рук парня и пошла к двери. И пока она шла, почувствовала, что ей очень одиноко здесь, у подъезда, что не хочется уходить от этого мальчика, его бархатного голоса и тёплых рук. Она удивилась этому ощущению, никогда не испытанному ею раньше.

– Остороженько, там темно, – почти шепотом сказал Тимур. И в шепоте этом почувствовала Калерия искреннюю теплоту, которую она не чувствовала от мужчин со времен их отношений с Колей.

– Проводи тогда до квартиры, – не оборачиваясь, сказала Калерия.

И, когда он, подскочив, вновь взял её под руку, и тепло его тела как бы вошло в неё, у Калерии закружилась голова. Она не помнила, как они, тесно прижавшись друг к другу, шли вверх по каменной лестнице, как долго открывала она дверь, как Тимур, перехватив у неё ключи, открыл сам и почти внёс её в узкую прихожую...

9.

Она проснулась от шума дождя, капли которого стучали по металлическому отливу с окна.

Рассвет уже вызрел, но было пасмурно, и где-то там, за берёзовой рощей сверкнула молния, потом прозвучал глуховатый раскат грома, и дождь пошёл настойчивее, ускоряя барабанную дробь по оцинкованной поверхности.

Рядом с Калерией, на её кровати широко откинув правую руку, лежал Тимур. Его худое смуглое тело под лёгкой простыней было похоже на тело большой птицы. «Господи, что я сделала! – Калерия, сжала голову ладонями. – Что же теперь будет? Что скажет Ангелина, если узнает обо всём?»

Она вспомнила прошедшую ночь. Несмотря на выпитое вино, она помнила всё, что происходило, и всё это казалось ей сном, но сном приятным, даже радостным и оттого сейчас ей стало еще больше стыдно за всё случившееся.

Она долго смотрела на спящего юношу, любясь им, в то же время, почти физически, ощущая как стремительно уходит от неё молодость...

— Тима, тебе пора,— Калерия положила руку на его обнажённую грудь.

— Куда спешить? — Тимур с закрытыми глазами улыбнулся, поцеловав ладонь Калерии.— Спасибо тебе — мне было очень хорошо. Ты — настоящая...

— Шалава? — перебивая его, спросила она.

— Настоящая женщина,— Тимур привстал и обнял Калерию,— никогда бы не подумал, что почти ровесница моей матери — девственница...

— А ну, вставай,— словно обожженная вскрикнула Калерия, отбросив руки Тимура,— одевайся и уходи! Приключение закончено!

— Не, не уйду. Мне и здесь хорошо,— сказал Тимур и так крепко обнял Калерию, что она не могла пошевелиться, чувствуя на своей шее его горячие быстрые губы...

10.

Ближе к полудню, когда прекратился дождь, и солнце начало царствовать над миром, раскинув свои лучи над бывшим колхозным полем, над стройкой и берёзовой рощей за ней, Калерия накинула лёгкое платье и вышла на улицу. Было воскресенье, и ей не надо было никуда спешить. Железнодорожный посёлок, уже слившийся с городом, жил обычной жизнью, но ей показалось, что всё-таки нет, не обычной. Что-то изменилось. И старые вязы во дворе, казалось, она увидела впервые: один рос изогнутым, словно турецкий ятаган, а на вершине второго чернело грачиное гнездо. Калерия никогда раньше не замечала этих деталей...

Она перешла дорогу, миновала стройку и вышла в поле. Кое-где еще росла люцерна, хотя её давно здесь не сеяли. Островки сине-

фиолетовой травы напомнили о прошлом, о том времени, когда она встретила Колю.

Калерия нашла островок погуще и навзничь легла на зелёный ковёр, нагретый лучами солнца и высохший после дождя. Высоко в небе медленно двигались облака, и их обычное сто раз виденное движение успокоило Калерию, вытолкнуло из груди тревогу, не покидавшую её в последние часы.

Она закрыла глаза, но облака продолжали плыть, теперь воображаемые, но такие же медленные. Ей показалось, что где-то недалеко работает трактор с косилкой и мальчишеский голос сейчас окликнет её, как много лет назад. Звук то приближался, то затихал, и она напряжённо угадывала его, пока не поняла, что это работает какая-то машина на стройке.

Потом она заснула, и ей приснился человек, неразличимый издали, бегущий по полю к ней, Калерии, – то ли Коля, то ли Тимур...

Несмотря на бабье лето, подул прохладный ветер, опять заморосил мелкий дождь. Она открыла глаза. Вместе с уходящим за тучу солнцем уходило спокойствие, и она вновь вспомнила, что с ней случилось ночью. Вспомнила ухмылку уходящего утром Тимура – уверенную улыбку победителя, и заплакала.

Она лежала на траве, и лицо её было мокрым и от дождя, и от солёных слёз, которые выкатывались из глаз Калерии и сползали на остывающую от лета землю...

Журавли вернутся

На другой день после похорон сына Иван Петрович Гвоздев пришел на наряд. Его заместитель Олег Александрович, плотный, крутолобый блондин, увидев входящего в кабинет директора совхоза, проворно вскочил и уступил место за столом.

Бригадиры докладывали про вспашку зяби, дела на ферме, но Иван ничего не слышал. В голосе стоял гул похоронного марша, плачущие голоса, надрывный крик жены... Он понял, что пришел зря. Не надо было сегодня идти на работу. Вон как удивились люди, увидев директора.

Иван встал из-за стола и тяжело пошел к выходу. В напряженной тишине было слышно, как тикают на стене стилизованные под ручные огромные металлические часы. Тронув ручку двери, Гвоздев обернулся:

— Простите меня, продолжай, Олег...

Выйдя из конторы, Иван сел за руль своего зеленого «уазика» и поехал домой. Там никого не было, пустым казался и двор, где обычно жена возилась по хозяйству. Клавдия и младший, теперь единственный сын Генка, ушли на могилу Андрея. Иван тоже засобирался туда: побрился, переоделся, делая все механически. Как на ходулях сошел с высокого деревянного крыльца и внезапно остановился посреди двора.

Прямо на него темным проемом широко открытых дверей глядел гараж. У стены стоял мотоцикл Андрея, на руле которого висела потертая джинсовая кепка. Бензобак был открыт, крышка лежала на сиденье водителя, и казалось, что Андрей куда-то на минуту отошел и сейчас вернется, заведет мотоцикл и умчится по станичной улице...

«Сынок мой дорогой, прости меня, — прошептал Гвоздев, — виноват я в твоей смерти. Я, я... Сволочь я!»

Он взახлеб зарыдал и, привалившись спиной к холодной с ночи кирпичной стене дома, медленно осел на асфальтированную дорожку.

Да, он виноват. В памяти возникло лицо Сергея Сергеевича во время их последней встречи в конторе. Сергей Сергеевич сидел перед ним в новом модном костюме, от него шел запах дорогого одеколона, и Гвоздев удивился: раньше его бывший наставник одевался совсем по-другому – в полувоенный френч, потертую кожаную куртку, офицерские галифе.

По привычке теребя хохолок на лысеющей крупной голове, Сергей Сергеевич сказал:

– Ну что, Ваня, надо бы решить вопросик-то... Выручай. Вспомни, сколько я тебе добра сделал.

– Помню. Все помню. Только вот понять не могу, почему вы так изменились, Сергей Сергеевич. Что с вами произошло?

– Исповеди не будет. Подпишешь бумагу?

– Неужели вы не понимаете, что если подпишу, то сотни людей на полгода без зарплаты останутся? Вы хоть об этом подумали?

– Ну вот что, молод ты еще меня учить, – внезапно сверкнул глазами из-под безбрового лба Сергей Сергеевич, но тут же понизил голос: – Ты не горячись, Иван Петрович. Я же учил тебя сначала взвешивать свои действия. Скажу так: у меня выхода нет, но и у тебя тоже. Или подмахнешь бумагу, или... будем мы с тобой страдать оба вместе.

– Я прошу вас выйти из кабинета и больше здесь не появляться. И не забудьте написать заявление об уходе из совхоза, – Иван еле сдержался, чтобы не наговорить еще более резких слов, и крикнул в микрофон селектора:

– Нина, пусть, кто ждет, заходит...

– Ну что ж, – Сергей Сергеевич приподнялся, поправил галстук и уже от двери выдохнул: – Ты об этом разговоре еще вспомнишь. Я тебя, шенок, по стенке-то размажу!

Угрозе тогда Иван особого значения не придавал. Тревога кольнула, конечно, сердце, но тут же растаяла. Нет, не мог и предположить Гвоздев, что решится на самое страшное человек, которому он беспрекословно верил и почитал чуть ли не как отца родного...

А через неделю все и случилось. Было раннее утро. Иван Гвоздев уже ушел в контору, Клавдия перед выгоном в стадо доила в хлеву корову. Генка убежал в школу. В доме оставался Андрей. Он только что собрался в гараж, чтобы на мотоцикле отправиться на занятия

в сельхозинститут, расположенный в соседнем поселке, где когда-то учился и отец. Внезапно вошедший в дом убийца выстрелил Андрею, видимо, сначала в грудь, потом в голову...

Из-за забора послышались всхлипывания и отвлекли Ивана Гвоздева от тяжелых мыслей. Он приподнялся и пошел к штакетнику. В соседнем дворе за дубовым столом сидела Саша. Уронив лицо на белые скрещенные руки, девушка навзрыд плакала. Иван вспомнил, что вчера она шла за гробом молча, лишь бледность щек и темные круги под глазами говорили о том, что было у нее на сердце.

Иван постеснялся тревожить Сашу и опять отошел к стене дома. Вот здесь, во дворе, за двое суток до своей гибели Андрей, смущенно потупив глаза, сказал отцу, что все у них с соседкой Санькой по серьезному. Одним словом, решили пожениться. И, почти не дыша, ждал ответа.

— Ну что ж,— помолчав, сказал тогда Гвоздев.— По серьезному так по серьезному. Александру мы все знаем, уважаем, обстоятельная девушка. А впрочем, я, сынок, на год раньше тебя семьей обзавелся...

Андрей вскинул русую, с мягкими льняными волосами голову и радостно улыбнулся, напомнив Ивану светом голубых глаз молодую Клавдию...

В небе послышались шелестящие звуки. Иван Гвоздев поднял голову и увидел клин журавлей, медленно и величаво уплывающий в сторону сосновой рощицы.

Птицы летели над осенними полями его, Гвоздева, совхоза. Над только что вспаханной зябью, над бахчами, мастерскими, свинофермой...

«Господи,— застонал Иван,— все я сейчас отдал бы, все, что вижу, будь только жив Андрюшка. Нет, не вернуть сына, не вернуть!».

Это слово «не вернуть» как ножом полоснуло по сердцу. Иван почувствовал, как кольнуло в груди и потемнело в глазах. Почти оцупью он вернулся в комнату, нашарил на подоконнике белый кружок валидола и сунул его под язык.

Отлежавшись, он все же приехал на могилу сына. Клавдия сидела на вытоптанной траве возле свежего холмика, безжизненно опустив руки на привалившегося к ней Генку. Иван поправил слегка покосившийся, грубовато сколоченный деревянный крест и подошел к жене.

— Памятник тут поставим, какой следует,— сказал Гвоздев.

Жена молчала, словно не замечая мужа и не слыша его слов.

— Ладно, Клань, ладно, что ж теперь,— он хотел погладить черную, с едва видимой проседью голову жены, но она вдруг отстранилась и снизу вверх бросила взгляд, будто уколола:

— А ведь это ты, Ваня, виноват в Андрюшкиной смерти-то. Ты...

Повалившись на траву, без слез и рыданий (видно, уже не было сил) затихла, словно уставшая после игр маленькая девочка или подстреленная на взлете птица...

Иван быстро повернулся и почти побежал к «уазику». Сел за руль и поехал. Куда? Он не знал. Лишь увидев ворота своей усадьбы, удивился: так быстро приехал.

В прихожей он долго осматривался, будто впервые видя свой собственный дом. Вот здесь, возле шифоньера, и убили Андрея. Следы крови кто-то уже тщательно смыл, и на крашенном суриком деревянном полу остались лишь светлые пятна.

Взгляд Гвоздева уперся в ружье, висящее на стене. Иван снял двустволку, достал из шкафа патроны. Разомкнул ружье, вставил один, потом другой.

«Ну что ж, за все надо платить»,— мелькнула давно известная Ивану мысль. Он перевернул ружье стволом вверх и начал расшнуровывать ботинок на правой ноге.

И вдруг перед ним на миг возникло красноватое, усмешливое лицо Сергея Сергеевича. «А с ним-то как быть? — вдруг обожгло Ивана,— вот так уйти, а он, убийца сына, останется?»

Гвоздев почувствовал, как все предметы в комнате вдруг встали на свои места. Он вышел из дома и направился к машине. Открыв заднюю дверь, бросил на сиденье ружье, сел за руль и завел двигатель.

Все его движения были теперь точны и расчетливы. Минут через пятнадцать Гвоздев уже катил по хутору, где жил Сергей Сергеевич. По едва различимой, заросшей бурьяном дороге он подъехал к зарослям можжевельника и дикой яблони, заглушил мотор. Прижимая ружье к правому боку, пошел по влажной пахнущей полынью высокой траве.

Заросли подходили вплотную к саду Сергея Сергеевича, и, почти не опасаясь, что его увидят, Иван быстро шагал вперед.

Вскоре он уже стоял у новой, остро пахнущей хвоей деревянной ограды. Вспомнив, что днем овчарка Марта сидит на привязи, без опаски перемахнул через плотно сбитые доски.

Иван хорошо знал усадьбу Сергея Сергеевича – расположение дорожек и палисадника. Через минуту он оказался в густой вишневой аллее. Деревья еще были одеты в коричневато-зеленые платья листвы и поэтому надежно скрывали Гвоздева.

Прямо перед ним был вход в дом. Особняк, чем-то неуловимо похожий на хозяина, стоял основательно, крепко, светясь серебром новой оцинкованной крыши. Гвоздев с усмешкой вспомнил, как подписывал накладную Сергею Сергеевичу на получение этого дефицитного железа.

В саду было тихо, усадьба казалась безжизненной. Лишь воробьи егозились на дорожке сада. Но невдалеке под навесом стояла темно-синяя «Вольво», и Гвоздев понял, что встреча с Сергеем Сергеевичем обязательно состоится...

Пока он стоял и вслушивался в шепот листьев, услужливая память как бы прокрутила события пятнадцатилетней давности. Тогда Сергей Сергеевич, директор этого совхоза, и взял к себе на должность главного агронома выпускника сельхозинститута Ивана Гвоздева. А вскоре назначил своим заместителем. Три года назад, уходя на пенсию, Сергей Сергеевич сказал на общем собрании:

— Никому кроме Гвоздева, совхоз я бы не доверил. Конечно, решать вам, но мое мнение такое...

Гвоздева избрали единогласно. А через год, съездив в Москву к старшему сыну, Сергей Сергеевич пришел с предложением создать и возглавить коммерческую службу хозяйства. Гвоздев обрадовался: опыт и пробивной характер бывшего директора помогут выжить в штормовом рыночном мире...

Однако, вскоре все обернулось совсем не так, как предполагал Иван. Нередко теперь замечал он крутых парней, входящих и выходящих из кабинета Сергея Сергеевича. Дивился: что они – инкубаторские, что ли? Все бритоголовые, с широко развернутыми плечами, обтянутые фирменными майками и куртками. Поначалу всему этому Гвоздев не придавал значения: мало ли кто как выглядит. Но слухи о неблагоприятных делах Сергея Сергеевича стали доходить до него все чаще.

Однажды тот сам зашел в кабинет директора. Долго объяснял сложности своей работы, жаловался на обстоятельства, а потом откровенно сказал:

— Обходят на повороте молодые волки, Ваня. Слыхивал я в одном месте, включили мне «счетчик». Так что выручай, брат. Выход один – подпиши те бумаги, о которых я тебе уже говорил, и будет дело в шляпе...

— А ответьте сначала, Сергей Сергеевич, на такой вопрос. Почему до сих пор нет отчета о продаже подсолнечника? И новая «Вольво», дом сыну, магазины в городе – откуда это все у вас всего за год?

По забежавшим маленьким глазкам Сергея Сергеевича Гвоздев понял: все правда, верно судачат люди.

... За невеселыми мыслями Гвоздев не заметил, как тот, кого он ждал, выйдя из дома, опустился в кресло-качалку неподалеку от смородиновых кустов. Он сел спиной к Гвоздеву, развернул газету, но через мгновение вдруг резко обернулся и посмотрел прямо в глаза неожиданному гостю. Взгляд его сорвался вниз и прилип к ружью.

— Ты что, Иван Петрович. Убить хочешь? Зачем? Не я это – Андрей... Зря ты, друзья ведь мы, верь мне...

Газета выскользнула из рук Сергея Сергеевича и парашютом опустилась на землю. Хозяин усадьбы смотрел на Ивана не мигая, но по белому, словно накрахмаленному лицу уже катились слезы, челюсть дрожала, и его вдавленное в кресло-качалку, мешковато осевшее и странно уменьшившееся тело, казалось уже неживым.

— Ты, Сергеич, ты все натворил, – сказал Иван и удивился своему спокойствию, хотя собственные слова показались ему чужими, звучащими как бы со стороны, – Сейчас ты мне заплатишь за сына...

Гвоздев взвел курки.

— Нет, не стреляй, Ванюша, – Сергей Сергеевич схватил себя за хохолок, – не надо, прошу тебя. Андрей хорошим был мальчиком, я его любил, как своего. В шутку просто было сказано, да не так меня поняли – сволочи, волки, гады... А я не хотел ничего плохого! Да мы с тобой сговоримся, сладимся. Ох как сладимся! Сто тысяч зеленых, нет двести тысяч – тебе. Сегодня, сейчас... Ваня!

«Мразь, – подумал Гвоздев, поднимая ружье на уровень глаз, – и как это не мог понять его столько лет?»

— Ну не надо, ну прости меня, прости,— отчаянно, фальцетом, закричал Сергей Сергеевич, сползая с кресла коленями на землю и закрывая лицо руками,— ну есть же суд, в конце концов...

— Деда, деда, что ты там ищешь, не ежика?

Девчушка лет четырех, рыжеволосая с огромным белым бантом выбежала из дома.

— Ежика, Машенька, конечно ежика, мое солнышко,— Сергей Сергеевич обнял внучку и прижался к ней мокрым, плачущим почти невидимым из-за банта лицом.

Иван сплюнул на кудрявые головы смородиновых кустов и опустил ружье. Повернувшись, он медленно, как бы нехотя, пошел к выходу со двора.

На хуторской улице, залитой не жарким уже солнцем, остановился. Сразу за околицей, в нескольких метрах от Гвоздева, начиналось поле. Только что вспаханная зябь дышала осенней свежестью, от нее веяло спокойствием, которое не нарушил и слепой дождь, внезапно засеребрившийся из-за невысоких туч...

Высоко над полем стройным клином с переливчатым курлыканьем небо пересекала очередная стая улетающих к югу журавлей.

Гвоздев глубоко вдохнул запах земли и подумал о том, что осенью птицы летят к теплым местам, чтобы выжить, а с весенними днями вернуться и опять радоваться солнцу. Птицы ценят жизнь.

И еще он подумал о веснушчатой, похожей на маленькое солнышко девочке с белым смешным бантом, которая, сама не ведая того, спасла жизнь своему деду и вывела из оцепенения пострадавшую за эти дни душу Гвоздева...

Все ещё сбывается

Алла подошла и остановилась рядом. Глубоко засунув руки в карманы бордового пальто и потупив взгляд, она несколько раз провела носком высокого сапога по бурому от мартовской влаги снегу. Молчали.

— И ты ничего не хочешь сказать? — спросил Сашка и затаил дыхание.

Алла ничего не говорила, лишь вскинула голову, и ее густые, светлые волосы откинулись в сторону, а большие карие глаза насмешливо уперлись Сашке прямо в душу...

Два часа назад он случайно увидел ее в окне большого, нового ресторана. Алла сидела за круглым столом в компании каких-то парней и, оттопырив розовый мизинец, держала в руках узкую рюмку.

Сердце Сашки дрогнуло и забилось, потому что один из сидевших за столом, плотный блондин, привстал и наклонился к Алле. Его большая стриженная и оттого похожая на дыню голова с оттопыренными ушами почти коснулась светлых локонов, которые так любил целовать Сашка...

Сашка любил март, его тяжелое сырое дыхание, которое как бы отгоняло зиму и предвещало приход весны. Но сегодня он не чувствовал ни этого дыхания, не слышал журчания маленьких, еще несмелых ручейков, не видел ярких звезд на темнеющем небе. Жизнь Сашки как бы сузилась до размеров этого грязноватого сквера, где он долго, казалось, целую вечность ждал, пока Алла выйдет из ресторана со своими друзьями. Когда они все гурьбой вывалились на низкое крыльцо, громко разговаривая и смеясь, Сашка подошел и позвал Аллу. К нему с решительным видом повернулись двое рослых парней, но она отстранила их и, пообещав, что «сейчас будет», пошла навстречу Сашке.

Теперь они стояли, ничего не говоря друг другу. Алла — оттого, что ждала, а Сашка вдруг почувствовал, что все, о чем он спросит — будет пустым звуком. Ей просто неинтересно с ним говорить.

Но Алла вдруг заговорила. Голос, когда-то нежный и грудной прозвучал в тишине аллеи резко, как звук от сломанной сухой палки под тяжестью ноги.

— Где я бываю и с кем — это мое личное дело. Так что ничего себе не воображай...

Она хотела сказать это еще злее, оглядываясь на приятелей, стоящих возле уже заведенного «Мерседеса», но что-то ее остановило.

— Ладно,— сказала она,— раз так вышло — не обессудь... В общем, прости и прощай, мой мечтатель: каждый живет свою жизнь...

— Но как же... мы, ты — заговорил Сашка,— зачем же все тогда?

— Что было — то сплыло,— засмеялась Алла.

Она повернулась, чтобы уйти, покрутила раскрытой головой, и светлые волосы так знакомо и весело разлетелись у нее за спиной, облегая крепкие плечи в бордовом пальто...

Она махнула Сашке рукой, не глядя на него и быстро покачивая бедрами, почти побежала к выходу из сквера, где ее ждал темно-синий «Мерседес» с открытыми дверцами. Из машины лились звуки музыки, чьи-то сильные руки протянулись навстречу Алле и приняли ее в слегка освещенное нутро большого автомобиля. Бесшумно закрылись дверцы. «Мерседес», тронувшись с места, выехал на широкую улицу и быстро исчез в потоке вечернего транспорта...

Сашка машинально пошел следом. Пальто его было расстегнуто, но он не обращал на это внимания. Легкий, но прохладный ветерок забирался к нему под старенький свитер — он и этого не замечал.

Он шел, и одна мысль вдруг выплыла в его сознании. А как же любовь? Была ли она, или это все происходило во сне? Сашка шел и продолжал жить ощущениями событий, которые он пережил с Аллой. Он жил ощущениями той ночи, когда они до утренних звезд ходили по набережной. Он читал ей стихи — свои и чужие, рассказывал о красках зари над вечерней рекой, еще о чем-то. Она молча слушала, иногда улыбалась и, подняв к нему большое и красивое лицо, о чем-то думала. Потом также молча подошла вплотную к Сашке и положила на его плечи свои легкие руки. Он внезапно замолчал, а она нежным и в то же время сильным движением притянула его голову и поцеловала в холодные губы... Близко-близко в ее широко открытых темных глазах он успел увидеть отблеск луны.

Потом были новые встречи и новые поцелуи, и опять в глазах плавал голубоватый диск луны. И опять были стихи, и звездное небо, и гудки пароходов, уходящих вниз по реке...

Он и раньше несколько раз случайно встречал Аллу в кругу незнакомых молодых людей, но она на все его вопросы отшучивалась, рассказывая веселые истории о ком-то из своих знакомых. Сашке было совсем неинтересно об этом слушать, но он слушал, так как ее улыбка и открытый взгляд огромных серых глаз намертво привинчивали его ноги к асфальту, и все его другие мысли не связанные с ней, улетали далеко-далеко...

По темной аллее Сашка спустился на знакомый асфальт набережной. Здесь было безлюдно, холодно, неудобно. Он вдруг подумал, а что же теперь делать? Сашка был еще очень молод, он только год назад приехал учиться на экономиста из далекого степного хутора.

Он дошел вдоль реки до того места, где на рейде всеми огнями светили пароходы, готовые отплыть с веселыми людьми. С одного из пароходов звучала проникающая в душу музыка – легкая, красивая и грустная. Сашка вспомнил, что это музыка французского композитора Леграна из какого-то фильма. И вдруг он почувствовал: чем дальше он уходил от того места, где расстался с Аллой, тем легче становилось на душе. Сашка остановился и стал прислушиваться к самому себе. Он старался понять, что с ним происходит. В нем что-то рушилось и что-то рождалось. Но горечь от только что пережитого нет-нет да и накатывала на сердце, словно морская волна на берег во время сильного шторма.

Ему хотелось идти. Все равно куда, хотя не первой молодости туфли уже плохо выдерживали мокрый снег, и в правом – хлюпало.

Он долго шел вверх по одной из центральных улиц, пока ноги сами не привели его на железнодорожный вокзал. Мимо туда и обратно спешили люди с чемоданами. Рядом с Сашкой остановилась, передыхая от тяжести огромного баула, пожилая женщина в коричневом старомодном плаще.

— Давайте я вам помогу, – простодушно сказал Сашка.

— Вот спасибочки-то, – заторопилась женщина, – господи, ведь есть же добрые люди. Вот спасибочки- то...

Когда Сашка помог ей втащить в купе будто кирпичами набитый баул, она заторопилась и ловко сунула ему в верхний карман пальто что-то хрустящее.

Сашка пошел было к выходу, но, опустив руку в карман, почувствовал деньги. Он не считал, сколько их было, это было ему не нужно, но от факта обнаружения этих бумажек ему опять, как час назад в сквере, стало тяжело на сердце. Он повернулся и пошел назад. Найдя купе, где сидела, только что снявшая свой коричневый плащ женщина, Сашка молча положил деньги на столик перед ней.

Женщина откровенно растерялась, что-то начала говорить, насчет того, что у нее больше нет, но Сашка, не слушая ее, повернулся и быстро пошел к выходу, толкаясь плечами среди спешащих навстречу пассажиров.

Выскочив из теплого вагона на перрон, Сашка снова попал под поток прохладной свежести уже вступившей в свои права мартовской ночи. Он поднял голову. Прямо перед ним высвечивался ковш Большой Медведицы, а над верхушками высоких привокзальных топей замер внимательный лик молодой луны.

От всего этого великолепия, все еще вспоминая испуг на лице женщины в купе, Сашка тихонечко засмеялся. Улыбка еще не сошла с его лица, как он почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он повертел головой и увидел. Из освещенного неоновым светом коридора вагона, который он только что покинул, на него смотрела и улыбалась белобрысая девчонка лет шестнадцати.

Она улыбалась именно ему, в этом не было сомнения. Сашка подошел вплотную к окну вагона и они, Сашка и девчонка, глядя друг на друга, продолжали улыбаться. Изредка она крутила головой вправо-влево, чуть отступая от окна, давая пройти пассажирам, и тогда он видел ее курносый профиль и взлетающий рыжеватый хвост волос, стянутый на затылке синим бантом.

Девчонка улыбалась, вертелась за окном, и Сашке было тоже весело и легко. Когда на миг она замирала у окна, то под светом неоновых ламп казалась неживой, словно вылепленной из воска куклой.

Но вот «кукла» маленьким бледным пальцем вывела на запотевшем стекле: «Кто ты?» Может оттого, что надпись он прочел наоборот, Сашка рассмеялся и со своей стороны окна вывел: «Странник».

Девчонка прочла, вновь улыбнулась, но уже спокойно, с грустинкой и развела руками. Рядом с ней вдруг появился вихрастый стройный парень. Он резко и назидательно начал что-то говорить девчонке. Сашка подошел поближе к стеклу и подмигнул. Парень в вагоне нахмурился и оттеснил девчонку от окна.

На мгновение она исчезла, но потом вновь возникла в окне и замахала рукой.

Поезд, наконец, дернулся и медленно пополз в полумрак станции. Сашка шел рядом с движущимся окном вагона и смотрел в глаза девушки. Она тоже не отрывала своего взгляда. Состав набирал ход, и Сашка уже бежал, чтобы видеть милое, веснушчатое лицо, которое становилось все печальнее и печальнее. Ему показалось, что она плачет. Может быть, только показалось, ведь они не были знакомы раньше, но они расставались скорее всего на всю жизнь, и это было естественно. У Сашки тоже защемило на сердце. Он увидел, что девушка, прижав правую руку к груди, что-то быстро-быстро говорит, не отрывая от него глаз, но слов он, конечно, слышать не мог.

Поезд набрал ход, ее окно обогнало Сашку и уплыло вперед вместе с ней, потом словно кинокадры замелькали окна других вагонов. Миновал последний, и сразу стало тихо и темно. Лишь ковш Большой Медведицы безмятежно висел над уходящим составом, уносящим в ночную мартовскую мглу мгновение Сашкиного счастья...

Текущая вода

1.

У генерального директора ОАО «Старт» Анатолия Павловича Борисова пропала жена.

Утром, как обычно, дожевав бутерброд, Анатолий Павлович чмокнул Анну в мягкую розовую щеку, а она, шутя, поцеловала его в нос и обняла за широкие плечи, стараясь не касаться одетого мужа ладонями в муке.

— Какие планы, Нюретта? — уже от двери спросил Борисов, обуваясь в лёгкие светлые туфли. — Никак у нас сегодня с тобой годовщина свадьбы...

— Однако, ты молодец, Борисов, — помнишь, — восхищённо сказала жена. — Вот вечером и отметим.

Она счастливо засмеялась и добавила:

— Что буду делать? Сейчас отведу Серёжу в садик, да забегу в магазин. И начну готовить себя для вечера с любимым мужем... Или ты опять опоздаешь?

— Нет, сегодня уж постараюсь прибыть вовремя. Правда, китайцы должны приехать на переговоры, да это не помеха. Успею...

Перед тем, как закрыть за собой дверь Борисов ещё раз взглянул на жену, которая вполоборота стояла на кухне, вытирая полотенцем только что вымытую тарелку. Он невольно полюбовался на её тонкую талию, крепкие ноги, длинные густые волосы и, крикнув, с сожалением вышел на лестничную площадку.

Шофёр Геннадий Иосифович, сухощавый человек лет пятидесяти, вёз шефа по городу, а Анатолий Павлович всё ещё не мог избавиться от запахов дома, теплоты губ Анны, её прерывистого дыхания у своего виска. Он вспомнил, как в армии подрался из-за неё с сержантом молдаванином Костей Калистру, как потом их прорабатывали в штабе батальона, и засмеялся. Не зря сражался, как говорится за даму сердца. Дама оказалась не только красивой, но и умной. Была прекрасным экономистом на заводе, родила Серёжку — голубо-

глазого бутуза, которого Борисов называл «Руководителем» за вечно надутый и независимый нрав. Потом, когда произошло акционирование, и Борисова избрали генеральным директором, Анна по настоянию мужа ушла с работы и занялась домашним хозяйством.

Вечером, перед самым окончанием рабочего дня Борисову на городской телефон позвонила тёща Тамара Степановна.

— Аня с Серёжей у тебя? — спросила она своим густым баритоном.

Получив отрицательный ответ, чертыхнулась:

— Никак не могу дозвониться до дочери: тут такие кофты в магазин завезли, а без неё не могу решиться...

— Гуляют, наверное, — сказал Борисов, — позвоните на сотовый...

Тёщу он не любил за вечное влезание в их семейные дела, желание постоянно давать советы по воспитанию Серёжи.

— Так мобильник тоже не отвечает, — в голосе тёщи послышалось возмущение, — Номер, что ли опять поменяли? Вы хоть сообщайте, когда меняете. Совсем уж меня из своей жизни вычеркнули...

— Ну что вы говорите, мама, — Борисов было начал возмущаться, но Тамара Степановна выключила телефон.

Борисов вызвал машину и поехал домой. На лестничной площадке собрались жильцы, шло шумное обсуждение очередной новости от жилищно-коммунальной службы.

— Палыч, присоединяйся к нам, — явно поддатый сосед дядя Женя махал руками. — Вот Анатолий Павлович во всём разберётся, он у нас не кто-нибудь, а большой начальник...

— Это надо же, чуть ли не втрое тарифы на свет подняли, — кинулись к Борисову женщины. — Что делать, Анатолий Павлович?

— Успокоиться. Может что перепутали. Завтра позвоню, разберусь...

Протискиваясь к двери, он вспомнил совет своего зама Пестрякова: давно пора менять квартиру. Не по чину. Пестряков уже подобрал для семьи Борисова особняк за городом, нашёл деньги, но Анатолий Павлович всё тянул с переездом — не хотелось бросать квартиру, в которой они с Анной прожили все эти годы, где не так давно сделали ремонт.

Борисов высокий, плотный, стараясь никого не толкнуть, пробрался к двери своей квартиры и нажал на кнопку звонка. Никто не открыл. Анатолий Павлович позвонил снова, а затем прижал ухо к двери.

— Тихо, господа-товарищи! – крикнул дядя Женя, наблюдая за Борисовым. На площадке смолкли: в доме Борисова уважали. И за простоту, и за асфальтированный двор, и за денежную помощь большой дворничихе Марии Семёновне...

Открыв дверь своим ключом, Борисов вошёл в квартиру и, обойдя все комнаты, усталю плюхнулся на широкую кровать в спальне. «Где же ты, Анна?». Он еще раз набрал номер мобильного телефона жены, но услышал лишь короткие гудки, а потом механический голос: «Абонент находится вне зоны ...»

Взглянув на круглые позолоченные часы, висевшие на стене спальни, Борисов вышел на лестничную площадку, закрыл дверь и пошёл вниз по лестнице. Геннадий Иосифович дремал за рулём «Тойоты» и вздрогнул, когда Борисов плюхнулся на заднее сидение, громко хлопнув дверцей.

— В детский сад – за Серёжкой...

Сына он забрал последним. Воспитательница Алевтина Георгиевна, полноватая, всегда чему-то улыбающаяся женщина в светлом парике, всплеснула руками:

— Ах, как хорошо – вот и папа! А то мы с Серёжей хотели уже ко мне в гости идти...

Борисов извинился за опоздание, взял сына на руки и понёс на улицу, к машине.

— Всего доброго, Анатолий Павлович! – Улыбающаяся воспитательница с порога кокетливо помахала вслед пухлой рукой...

Безлюдная липовая аллея, по которой он нёс сомлевающего, почти засыпающего Серёжу, тишина, так не присущая этому дворику, усилили обиду Борисова на неизвестно куда запропадившуюся Анну.

Дома её не было. Не появилась она ни на другой день, ни на третий. Ни полиция, ни друзья из спецслужб ничего не смогли узнать о жене, что с ней произошло, куда исчезла – это осталось тайной...

Лишь дядя Женя рассказывал, когда разговор заходил об исчезновении молодой соседки: «Видел, как Анюточка шла в сторону магазина и всё – больше ничего не видел».

2.

... Прошло восемь лет. Борисов продолжал жить с двенадцатилетним сыном в старой квартире. Несколько лет, пока Серёжа требовал ухода, с ними жила тёща, Ангелина Степановна. В прошлом году она... вышла замуж за своего одноклассника, отставного полковника, и уехала к нему в Калугу.

Первые годы Анатолий Павлович надеялся, что всё прояснится, каким-то образом станет ясно, куда исчезла жена, почти физически чувствуя, что она жива. Но шло время, и всё оставалось прежнему.

Став постарше, Сережа всё чаще с тоской думал о матери. Борисов старался отвлекать его от этих дум. Каждый год ездил с ним то в круиз по Средиземному морю, то в какую-нибудь страну. Были и на Кипре, и в Турции, и на юге Франции.

В начале года врачи обнаружили у Анатолия Павловича неполадки с сердцем. Посоветовали срочно бросить курить и съездить подлечиться в Кавминводы. «Рановато для тридцативосьмилетнего мужчины», – огорчился Борисов, но в конце августа, кое-как закончив неотложные дела на службе, захватив с собой Серёжу, поехал в Ессентуки.

Поселились в вип-номере санатория «Жемчужина Кавказа», и началось лечение. Борисов принимал процедуры, Серёжа ходил в бассейн. По вечерам они гуляли по курортному парку, фотографировались на фоне знаменитой грязелечебницы, в воскресенье съездили в Кисловодск. Но отец замечал, что грусть Сережи не проходит, он терпеливо ждёт, когда закончится курс лечения, и они уедут в свой город.

Борисов понял, что надо возвращаться. Тем более отпуск его шёл к концу, приближалась осень, а с ней и школьная пора.

Однажды утром, уладив дела с администрацией и лечащим врачом, Анатолий Павлович собрал вещи, попросил дежурного администратора вызвать такси и вскоре, они с Серёжей приехали на ма-

ленький эссентукский вокзал. До поезда было ещё минут сорок и они присели на жёсткие кресла в темноватом зале ожидания. Сережа уткнулся в смартфон, а Анатолий Павлович стал смотреть на большую картину, висевшую на стене. На ней был изображён Лермонтов, во весь опор скачущий на вороной лошади по горной дороге. В отблесках вечерней зари, чуть блестели эполеты. Горы огромными тяжёлыми пятнами наседали на фигуру всадника, словно стараясь раздавить его. Куда скачет великий поэт? Так отчаянно скакал его герой Печорин, стараясь догнать экипаж единственно любимой женщины – княгини Веры...

В купе поезда «Кисловодск-Санкт-Петербург» Борисов всё ещё думал об увиденной на вокзале картине. И к нему пришла мысль, что все эти годы без Анны он тоже скакал куда-то в неизвестность, а вернее шёл и шёл, стараясь догнать своё былое счастье. На картине догорал закат, уходил день, чувствовалось, что скачущий всадник был встревожен, несчастен, и это ощущение, созданное живописцем, уже давно было знакомо Борисову...

Многие приятели Анатолия Павловича советовали ему жениться, подыскав добрую искреннюю женщину, которая позаботилась бы не только о нём, а прежде всего – о Серёже.

Борисов переводил всё это в шутку, а иногда вопрошал: где они добрые и искренние? Такие на дороге не валяются. Но главное, что сдерживало Борисова – память об Анне, нежелание менять что-то важное в устоявшемся без неё мире, травмировать психику сына.

Он вспомнил, как в первые дни после исчезновения Анны, Серёжа спрашивал:

— А где мама? Когда она приедет?

— Она в командировке и очень занята, – отвечал отец. В такие моменты сердце его начинало ныть.

Когда Серёжа подрос, отцу пришлось всё ему объяснить. Мальчик встретил сообщение без слёз – уже привык жить без мамы, и образ её, видимо, постепенно ускользал из его памяти. Но не сама память. Однажды, когда отец зашёл в комнату Серёжи, собираясь пожелать спокойной ночи, то увидел, как, отвернувшись к стене, мальчик беззвучно плакал. Вздрагивали его маленькие плечи... На столе лежал цветной портрет Анны. Взглянув на него, Борисов вспомнил,

как сам сделал этот снимок на берегу реки во время пикника. Анна улыбалась и кричала: «Не надо, не щёлкай – я же не причёсанная...» Но портрет получился удачный. На ветру длинные и густые волосы Анны раскинулись веером, и небо за ней было с набухающими тучами вперемешку с мелкими облаками, а внизу виднелись барашковые волны. Борисов тогда назвал снимок: «Перед грозой». «Перед бедой», – подумал он сейчас и, выйдя за дверь, ещё долго стоял, прислушиваясь к тишине...

За прошедшие годы Борисов, конечно же, встречался с женщинами. Но всё это было второпях, никто не тронул его сердце. Завязались было у него отношения с главным бухгалтером Галиной Станиславовной, молодой глгучей брюнеткой со статной фигурой, высокой грудью и грустными глазами. Его тянуло к ней, но к себе её не приглашал, боялся реакции Серёжи. Однажды, когда Сережа ночевал у бабушки, он всё же привёл Галину домой...

Утром вдруг открылась дверь спальни, и вбежал... Серёжа:

– Папа, мы сегодня поедem в зоопарк? – звонко выпалил сын.

Увидев в кровати рядом с отцом незнакомую женщину, Серёжа резко повернулся и выбежал из комнаты. Как случилось, что Тамара Степановна привезла внука раньше, он так и не понял. Слава Богу, её самой в доме не было...

Проводив Галину Станиславовну, Борисов пошёл в комнату сына. Тот, глядя в окно, сидел на кровати.

– Сынок, ты обиделся на меня? – тихо спросил Анатолий Павлович, садясь рядом.

Серёжа пожал плечами:

– Она что, будет твоей женой?

– Нет, конечно, нет, – заторопился с ответом отец, – Просто мы вместе работаем. В общем, ты уже взрослый парень – должен понять меня... Если думаешь, что я забыл твою маму, то ошибаешься! Но её же нет, Серёжа! Нет! Сыночек мой, ну прости меня...

Серёжа повернувшись к отцу, обнял его за шею. Обнявшись они долго сидели молча на низкой детской кроватке, пока сына не сморил сон.

3.

... Из Ессентуков они приехали поздно вечером. На такси добрались до дома и сразу легли спать. Мальчик быстро уснул, а отец всё думал и думал над своей неудавшейся жизнью. В последние два – три года он почти не вспоминал Анну. Лишь изредка, внезапно проснувшись среди ночи, его мучила уже ставшая привычной тревога. Было ощущение, что не известно где, кто-то его ждёт. Нет Анны, давно умерла мать. Только с ними, Анной и матерью, Борисову было хорошо в жизни... Когда они жили, он ни о чём особенно не задумывался, даже не догадываясь, что есть на свете разрывающая душу тоска. Когда эти две женщины были рядом с ним, ему казалось, что в его жизни будет всегда спокойно, уверенно, цельно. Конечно, случались и тогда тревоги и беды, но все они казались незначительными, временными, сиюминутными...

Борисов вдруг понял, почему так было. Потому, что его, Борисова, любили. И любил он...

На другой день он встал раньше обычного, хотя было воскресенье. Опять пришли вчерашние мысли. Захотелось что-то сделать, чтобы они прошли, пролетели, испарились. Он вдруг подумал: а что если съездить сегодня с Серёжей на родину, в село Котово, где он родился? Всего-то двести километров! Пора, давно пора побывать на могилках отца с матерью, проведать тётку Клаву. Оно вроде и рядом, родное село, да уже который год он никак не мог выбраться из-за бесконечных хлопот на работе...

Часа через полтора они с Серёжей уже катили на своём серебристом «Фольксвагене» по узкой, но довольно хорошей, асфальтированной дороге.

Путь лежал между жёлтых, словно позолоченных после жатвы полей. По-летнему было жарко, хотя август доживал последние дни, в небе уже шелестели журавлиные клинья, а в придорожной лесополосе падали на землю, начинающие иссыхать листья тополей.

Борисов ехал в отцовский дом, в котором жила младшая сестра матери, Клавдия, потерявшая на афганской войне мужа, да так и оставшаяся вдовой. Как ни сватали её мужики – не пошла. То ли не могла забыть своего чёрнобрового гармониста Петьку-танкиста, то ли наловчилась жить одна, думать о себе, о своих близких – се-

стре и её семействе и – больше ни о ком. Анатолия она любила по-матерински, с самых малых лет возилась с ним, улаживала дела в школе, чем здорово помогала сестре, вечно пропадавшей на молочной ферме.

Клавдию они не застали, но хата была «примкнута» веточкой берёзы, вставленной в металлическую проушину. В комнатах было тихо. Пахло мятой, душицей, зверобоем. Тётка увлекалась сбором лесных трав.

Вскоре пришла и она. С порога крикнула:

– Кто тут без хозяйки командует?

– Здравствуй, тёть Клав,– вышел в прихожую Анатолий Павлович, и, видя, как меняется в лице пожилая женщина, подхватил её, обнял и, поцеловав в щеку, прижал к груди.

– Толечка, мой родненький, как же ты сподобился-то? – Клавдия присела на некрашеную дубовую лавку, и на глазах её появились слёзы.– Думала уже не увижу тебя никогда, помру тут в одиночестве. Ой, а это кто такой выглядывает?

Вышедший вслед за отцом Серёжа засмутился, потупился.

– Никак Серёженька? – Клавдия сидя обняла мальчика и поцеловала его в макушку,– вы, ребята, извините, я сейчас чуточку посижу и всё приготовлю, буду вас угощать-потчевать...

– Да, не надо беспокоиться,– сказал Анатолий Павлович.– Продукты мы с собой привезли. Серёжа, сходи, принеси из машины наши припасы...

– Ну, а как насчёт картошечки с салом и огурчиками малосольными? – Клавдия Петровна встала и, переваливаясь словно утка, пошла в чулан.– Я ведь помню, что ты любил поесть...

– Против картошки не устою, тем более с салом,– засмеялся Борисов. И когда Серёжа принёс пакет с продуктами сказал:

– Ладно, ты хлопочи, Петровна, а мы на кладбище сходим.

– Сходите, родимые, сходите,– сказала розовощёкая, уже совсем успокоившаяся после внезапной встречи Клавдия.– А потом сразу домой – ждать буду...

Деревенский погост был за дальним прудом, и Анатолий Павлович решил пройти по деревне пешком, чтобы увидеть тропинки детства, знакомые хаты и сарайчики. Но многие улицы были перестрое-

ны так, что Борисов с трудом узнавал родное село. На повороте красовался новый кирпичный дом с магазином «Сельхозпродукты». Борисов невольно остановился, стал вспоминать: чье же это владение? И вспомнил: здесь во время его детства стояла деревянная хата сохозного кузнеца Ивана Сергеевича Пчельникова. Вспомнив это, он вспомнил и дочь кузнеца, светлокосую Дарью, свою школьную любовь. Она нравилась Анатолию с первого класса – черноглазая, весёлая, вечная отличница. Он любил её тайно, так и не выказав Дарье своих чувств. Она, конечно, догадывалась об этом, но девочка нравилась всем мальчишкам их класса, и Борисов не хотел быть как все – оттого сторонился Даши. Правда, как-то сунул ей свои стихи про любовь, но она не ответила... Из армии хотел, но так и не решился написать ...

При этом ему почему-то казалось, что она ответила бы, ответила хорошо, но давнишняя, закостенелая гордость не позволила Борисову напомнить о себе... Тем более, что на втором году службы он познакомился с очаровательной дочерью командира батальона Анечкой – дела у них сладились быстро. С ней и приехал после демобилизации в Котово.

Теперь он стоял и вспоминал Дашу. Она ли живёт в этом красивом доме? Во дворе громко залаял пёс. Высокие деревянные ворота, выкрашенные в зелёный цвет, скрипнули, приоткрылись, и Борисов увидел знакомые чёрные глаза.

— Вы к нам? – спросила Даша, выйдя на улицу.— Наверное, из инспекции?

— Нет, мы совсем из другой организации...

4.

Она подняла голову и посмотрела Борисову в глаза. Даша по-прежнему была красива той русской сельской красотой, которая сразу бросается в глаза городскому жителю. Но теперь перед ним стояла не хрупкая девчонка, а взрослая, осанистая женщина.

Она внезапно вдруг обняла Борисова, и, прижавшись к нему всем телом, тихо засмеялась. Серёжа, не ожидавший такого, отвернулся и отошёл в сторону.

— Толик, родненький ты мой.— Даша то ли смеялась, то ли плакала, и Борисов не знал, как и что отвечать на эти слова, также обняв её, и чувствуя как забилось сердце от давно забытого чувства уюта и радости.

Но Даша быстро овладела собой, заметила Серёжу и, оборачиваясь к мальчику, сказала:

— Учились вместе с папой твоим, так что не бойся, мальчик, у мамы его не отниму...

Они сели на лавочку, вкопанную у забора и начали вспоминать школу, ребят, с кем учились. Серёжа подошёл, сел со стороны отца, но Даша пересела, к мальчику, обняла его и поцеловала в белобрысую голову.

— Похож на тебя, как две капли воды,— засмеялась Даша,— с ним тебе можно без документов куда хочешь проходить...

Узнав, что Борисовы идут на кладбище, она воскликнула:

— А можно с вами? Я тоже хочу могилки тёти Веры и дяди Паши проведать, да и у мамы давно не была.

Подождали, пока Даша сходила в дом переодеться, и дальше пошли втроём. Она рассказала, что после окончания сельхозтехникума вышла замуж за шофёра Вовку Занина, того, что учился на год старше их. Родилась дочь Алёнка. Вовка занялся фермерством. Дом поставили. Она знала, что он любит её с самого детства, хотя сама по отношению к нему не могла ответить тем же. Почувствовав это, со временем Вовка запил, стал куролесить, чуть было не завалил весь их семейный бизнес...

— Ладно, расскажу после,— сказала Даша — они подходили к кладбищу.

Здесь было тихо, даже торжественно. Памятники и кресты на могилах стояли словно стража. Борисов помнил, где лежат родители, но за последние два года кладбище разрослось и, если бы не Даша, пришлось бы изрядно поплутать.

— Вот сюда за осины надо,— сказала она и первой пошла вперёд. Над могилами родителей разрослись клёны. Нападавшие с них листья завалили памятники, и Борисову пришлось разгрести листья руками, пока не показались две чёрные плиты с именами и годами жизни родителей.

Все трое стояли молча. Дарья поняла, что ей не следует мешать приезжим и пошла по аллее в сторону церковки, к могиле своей матери.

— Вот, Серёжа, здесь похоронены твои дедушка и бабушка,— сказал Анатолий Павлович и почувствовал, как предательские слёзы медленно поползли из глаз.

Серёжа наклонился, положил букет полевых цветов между могилами и вдруг стал вырывать сорную траву, растущую возле плит.

— Это ты правильно делаешь,— сказал отец и присоединился к сыну. Вскоре повилика была полностью вырвана. «Что же это Клавдия Петровна упускает, надо сказать, чтоб пришла сюда с граблями и тяпкой»,— подумал Борисов, но вспомнив, больные ноги тётки, остыл. «Самому надо чаще приезжать, моралист»,— мысленно отругал себя Анатолий Павлович.

Подошла Даша, и все трое пошли к выходу.

— Так как же у тебя дальше-то судьба сложилась? — спросил Борисов.

— Я ж говорю — пить начал Володька. Иногда руку на меня поднимал. Бывало, одумывается, просит прощения, а потом — опять. В прошлом году вместе с сослуживцем Колькой Цыбиным из Черняховки поехали на Донбасс проведать отца. Отца уже при них убило украинским снарядом, и ребята сразу записались в ополченцы. А ещё через полгода Володька погиб. Из Луганска в Котово приезжали двое военных, вручили мне орден, которым мужа наградили посмертно. Вот и всё...

— И с кем же ты живешь сейчас?

— Живём вдвоём с Алёной, доченькой моей. В делах фермерских батя здорово помогает, он хоть в кузню уже не ходит, но ещё крепкий, ухватистый. Дочка в этом году в пятый класс пойдёт. А ты, Серёж? В седьмой? Понятно. Хотя живу не только с дочкой. Дом большой, поэтому, когда потянулись беженцы с Донбасса, взяла на постой две семьи. Обе в колхозе работают. К весне им квартиры обещали, а зимовать, вместе будем. Ничего, люди хорошие, добрые.

Даша вдруг остановилась. Прямо перед ними с пригорка открылась синяя лента реки.

— Помнишь, Толь, как мы тут всем классом выпускной отмеча-
ли? – она улыбнулась, вспоминая это событие.

— Помню, – Борисов вздохнул. – Много воды утекло с тех пор...

— Вода утекла, а память осталась и никуда ей не деться, пока мы живы – сказала Даша и вдруг воскликнула: – А давайте купаться? Я сегодня на кукурузное поле собиралась ехать, поэтому купальный костюм прихватила, чтобы отмыться потом от пыли. Ну как, Серёж?

— Давайте, – мальчик взглянул на отца и, увидев его одобрительный кивок, стал снимать футболку.

Река была неширокая, но стремительная, похожая на горную. Где-то под берегом били ключи, и почти всегда, даже в большую жару, вода была прохладной. В памяти Борисова остался случай, когда от холода свело ноги у одноклассника, восьмилетнего Севки. Севка утонул, и тело его водолазы нашли только на второй день аж в Осиновском водохранилище.

Когда пришли на невысокий, глинистый берег, Серёжа увидел стайку ребятшек своего возраста и с согласия отца побежал знакомиться.

Борисов порадовался, что сын как бы ожил здесь, в Котово, и с этим добрым чувством он присел на траву. Даша опустилась рядом, будто забыв, что идея купаться принадлежала ей.

Вблизи река казалась не такой быстрой. Мерное журчание воды успокаивало, расслабляло. И река, и хаты на взгорье, и треск мотора тракторов, пашущих поле на другой стороне реки, главное – сидящая рядом Даша – всё это на второй, а то и на десятый план отодвинули в душе Борисова тревоги, с которыми он приехал из Ессентуков.

— Пап, а можно переплыть на ту сторону реки? – подбежал разгорячённый Серёжа. – Ребята приглашают...

— Давай, – сказал Анатолий Павлович – зря что ли ты в плавательную секцию ходишь. Только не прыгай головой вниз – река не очень глубокая, а дно каменистое...

— А меня возьмете с собой? – спросила Дарья, поднимаясь.

— Возьмём! – Серёжа кричал уже издали, вприпрыжку подбегая к пацанам, собравшимся на берегу.

5.

... Поздно вечером отец с сыном возвращались в город. Пока ехали, вспоминали, как Серёжа быстрее всех переплыл реку, как тетка Клава охала, увидев оцарапанную о камень коленку Серёжи.

— Клёвая у тебя одноклассница,— сказал сын, развалившись на задних сидениях,— надо же, вместе с нами наперегонки плыла. Но меня не обогнала...

Борисов наблюдал, как плыли ребята и с ними Даша, как в самом конце, когда они с Серёжей вырвались вперёд, Даша чуть ослабила взмахи сильных загорелых рук, и мальчик первым коснулся песчаного берега...

— Понравилась? — Анатолий Петрович вглядывался в ночную дорогу, освещённую огнями фар автомобиля. Ответа он не получил. На миг обернувшись, увидел, что Серёжа спал, привалившись к мягкой, кожаной спинке дивана.

Борисов вспомнил, как после заплыва Серёжа вместе с деревенскими пацанами убежал ловить удочками рыбу, а они с Дашей, уже переодевшейся за густыми кустами и причесанной, побрели в старую берёзовую рощицу, где прошло их детство. Берёзы разрослись, наполнили, далеко вверху шум крон был едва слышен под ветром. Шум этот звучал густо, почти торжественно, словно под куполом церковного свода. В церковь они тоже зашли, чтобы поставить свечи за упокой душ своих родителей. Потом шли по тенистой аллее. Аллея была неширокая, заросшая густой травой, справа и слева разрослась акация, и иногда Борисов и Даша касались друг друга плечами.

В двух словах он рассказал о себе, об истории с Анной, о тревоге за сына.

Даша молча слушала, и ему вдруг показалось, что она в этот миг находится далеко-далеко, думая о своём. Но когда Анатолий Павлович замолк, она спросила:

— Как жить-то дальше будешь?

Он пожал плечами. Они как-то сразу вдруг остановились, и Даша, повернувшись к Борисову, сказала:

— А ведь я ждала тебя из армии, хоть и звали не раз замуж. Что же ты не написал, Толя? Я ведь знаю, нравилась тебе...

Она помолчала, глядя куда-то поверх кустов акаций и, не дождаввшись ответа, продолжила:

— Тогда не решился, сейчас не знаешь, вижу, как дальше жить... Ведь мы ещё не старые, Толя! Хотя что это я? В судьи записалась. А сама хороша. Помню, как однажды сунул ты вечером мне стишки свои любовные. Посмеялась. Не понравилось, что без подхода, грубо, показалось, сунул... Хотя жалела потом, стишки те сто раз перечитывала. Да и в армию не пришла проводить, постеснялась. Из-за забора всё высматривала тебя в строю новобранцев, когда в военкомат уводили под гармошку. Эх, гордость наша! Только с годами это понимаешь...

Она опустила голову и стояла перед Борисовым словно ученица у доски, не выучившая уроки. Светлые волосы упали на глаза и напомнили Дашу-школьницу.

Борисов обнял её, и когда она удивлённо посмотрела на него, поцеловал в чуть раскрытые, мягкие губы. Она затихла у него на груди, будто испуганный ребёнок, и вдруг заплакала.

— Поедешь с нами в город? Ко мне поедешь? – слова вышли из него легко, видимо давно готовые, чтобы прозвучать.

— А Серёжа? – глухо спросила Даша.

— Мне кажется, ты ему понравилась. Во всяком случае, ты первая женщина, с кем он так откровенничал и веселился...

— Да это его ребятишки развеселили, – Даша подняла голову, улыбнулась и обняла Борисова за шею обеими руками. Затем прижалась губами к его губам, и они долго стояли молча, казалось целую вечность, и обоим было хорошо, сердца их стучали рядом...

Оторвавшись от него, Даша прошептала, словно боясь, что её услышат в осеннем лесу:

— Нет, Толя, так нельзя. Встретились можно сказать, по случаю – и поехали? Так не бывает. Детство давно прошло, родной мой...

— Нет, не прошло, – Борисов опять поцеловал Дарью. – И никогда не пройдёт!

И, вспомнив её предыдущие слова, сказал:

— Воды утекло много, а память осталась...

Даша опять пошла рядом, потом востропнулась и, словно девочка, побежала по тропинке вниз к реке. Одной бежать ей было просторно, и вскоре, она разгорячённая, с растрёпанными на ветру волосами уже стояла опять на берегу, откуда они ушли полчаса назад.

Борисов подошёл, обнял её и почувствовал, как дрожат её плечи. То ли её так взволновал разговор, то ли всё же замерзла после купания. Анатолий Павлович снял пиджак и накинул его Даше на плечи. Они смотрели на синеватую текущую внизу воду, пока не подбежал весёлый Серёжа и сходу не уткнулся в них, сразу в двоих.

6.

... Чуть позже, после ужина, Борисовы прощались с тёткой Клавой. Она плакала, звала приезжать почаще, и Серёжа сказал:

— Обязательно приедем. Правда, пап?

— Конечно,— ответил Борисов и удивился быстроте и искренности своего ответа. От этого Серёжиного вопроса у него словно включился свет в душе. Яркий, тёплый, долгожданный.

... Затрещал сотовый телефон, лежащий в нише автомобиля. Борисов сбавил скорость, взял телефон в правую руку. Звонила Галина Станиславовна.

— Тебя можно будет сегодня увидеть? — спросила она.

— Мы — за городом,— ответил Борисов,— буду дома ближе к полуночи...

— Я подожду,— Галина отключилась.

В свой двор они въехали, когда всю светила луна и мерцали далёкие звёзды. Выйдя из машины, Борисов начал доставать из багажника банки с соленьями и вареньем — гостинцы от Клавдии Петровны.

— Анатолий Павлович,— окликнул его знакомый женский голос.

На скамейке возле детской площадки сидела Галина Станиславовна. Она встала и подошла к автомобилю.

— Ты извини,— мельком взглянув на спящего в «фольксвагене» Серёжу, сказала она — но срочно, к завтрашнему утру, нужна твоя подпись на бразильском контракте.

— А что Пестряков? — спросил Борисов,— у него же есть право подписи.

— Контракт серьёзный – нужна твоя, – сказала Галина и грациозным движением вытащила из папки документы. И пока Анатолий Павлович при неоновом свете ночных ламп, наклонившись над капотом, подписывал бумаги, он чувствовал, как она безотрывно смотрит на него сверху вниз.

— Пожалуйста, – он протянул листки Галине и увидел грусть в её красивых глазах, упавший на лоб смоляной локон, который он так любил поправлять, когда они оставались одни...

Ему захотелось сказать ей что-то хорошее, ободрить её, но внутри Борисова жил сегодняшний шумный и счастливый день, в котором не было места этому разговору...

— Ну я пошла? – спросила она.

— Я сейчас подвезу, – засуетился Борисов, – вот Сережу отправлю в квартиру и подвезу.

— Спасибо. Вон за углом такси меня ждёт, – Галина отошла на несколько шагов и остановилась.

— Может мне отпустить такси?, – повернувшись, спросила она после небольшой паузы.

— Нет, Галя, езжай. Ты прости меня, пожалуйста, – ответил Борисов, нажимая на слово «прости». И по этой простой фразе обоим стало многое понятно...

Серёжа открыл дверь автомобиля и, стряхивая с себя сон, опустил ноги, обутые в запylённые кроссовки, на асфальт. Он увидел уходящую со двора Галину Станиславовну, замершего у открытой дверцы отца и, закинув за плечи старый серенький рюкзак, подхватил банку с малиновым вареньем.

— Пошли что ли?

Не дожидаясь ответа, Серёжа пошёл к подъезду. Пошёл уверенно, словно большой, словно не было бесконечного дня в деревне, беготни с пацанами по лесным тропкам, купания в быстрой и прохладной реке...

Серёжа шёл чуть откинув голову, напоминая походку своей матери, и образ Анны мелькнул вдруг в сознании Борисова, возник словно внезапная вспышка сорвавшейся звезды на фоне ночного неба...

Тюль на лестничной площадке

Платон вышел от соседей на лестничную площадку и пошел домой, в свою квартиру этажом ниже. В голове у него стоял шум веселого застолья, женский смех и разудалые песни подвыпивших приятелей.

На лестнице было абсолютно темно. «Вот черт, опять лампочка лопнула!» – успел чертыхнуться Платон и тут же чуть не наступил на что-то шевелящееся...

— Кто здесь? – невольно вырвалось у него.

Молчание. Лишь было слышно, как внизу подвывал морозный ветер, заматавая пургу в приоткрытый подъезд дома: домофон второй день был сломан.

— Я полежу тут немного, – вдруг послышался из темноты спокойный женский голос. – Я сейчас... Отогреюсь и уйду. Вы не волнуйтесь...

Платон машинально, все еще толком не сообразив, что это за женщина и зачем она здесь, перешагнул через нее и открыл ключом тяжелую металлическую дверь своей квартиры. Вошел и невольно присел на дощатую полку для обуви.

Дверь захлопнулась. За ней было тихо, лишь холодный ветер продолжал выводить свою заунывную мелодию на лестничных пролетах, там, где лежала сейчас незнакомая женщина.

Платон вспомнил, как жена, которая осталась за праздничным столом, нередко предупреждала его: «Знай, кому открывать дверь. От бомжей проходу нету... Еще унесут чего-нибудь...»

И все-таки, почему она там лежит? Платон вспомнил размеренный усталый голос женщины и предположил, что она долго шла или бежала на встречу с кем-то... А может, она не местная, заблудилась и теперь отдыхала посреди огромного зимнего города. А может, она больна и ей надо помочь?

Все эти вопросы заставили Платона встать с уютной полки и открыть дверь. Яркий коридорный свет выхватил из темноты лестничную площадку и бетонную лестницу, где уже никого не было.

Платон сбежал на первый этаж, открыл дверь подъезда и выглянул на улицу. Никого. Лишь порыв рассерженного ветра бросил ему в лицо пригоршню колкого снега.

Женщина ушла в морозную ночь. Может быть, она испугалась, что Платон позвонит в милицию, или пошла искать другое, более удобное место для ночлега...

Платон тяжело поднимался на свою лестничную площадку и думал о том, что еще несколько лет назад по этой самой лестнице бегали их шумные дети, ходили и они с женой и соседями – молодые и уверенные, полные сил и надежд. Теперь дети выросли и разъехались, постарели Платон и его жена. Нет уже того света, нет былой радости.

«Господи, что это? Почему мы так живем? Разве можно так жить?» – думал Платон.

В темной промозглой тишине никто не мог ему ответить. Лишь голоса наверху тянули «По Дону гуляет...»

Певцы фальшивили...

Было, не было...

На ярко освещённом перроне большого областного города мои попутчики – суматошные и смешливые молодожёны Вовчик и Шурочка – сошли, и я остался один в купе, пропахшем полевыми цветами, которые вчера вечером Вовчик купил своей пассии на какой-то маленькой сельской станции.

Вскоре состав вновь тронулся, набрал ход и резво побежал среди угадываемых в предутреннем сумраке станционных пакгаузов, одноэтажных домиков, мелькнула высокая водонапорная башня.

На часах было четыре, но спать не хотелось. Мне вдруг показалось, что я вернулся на тридцать лет назад, когда ехал из армии. Я даже физически ощутил на плечах не синий в тёмную полосочку пиджак, а плотно подогнанный сержантский китель.

И показалось, вот-вот за поворотом вынырнут совхозные сады, за ними – жёлтая стерня, потом меловая гора с чахлой липой на самой верхотуре. Засветятся ранними огнями окошки райцентровских домов, от которых до моей Красноталовки всего три километра.

Тогда, тридцать лет назад, тоже был конец августа, из открытого окна вагона пахло антоновкой, но сильнее – вплотную примыкающим к железной дороге хвойным лесом, запах которого заносил в вагон бойкий утренний ветерок.

Со станции я, подхватив дембельский чемодан, купленный в Южно-Сахалинске, пошёл в свою Красноталовку. Помню, шёл по росистой траве, жнивью, потом по ковру начинающих вянуть жёлто-красных кленовых листьев, загребая их новыми кирзачами.

Шёл по знакомой с детства дороге мимо кукурузного поля. Первые лучи солнца уже били в глаза, Красноталовка была почти рядом, за мелким березняком, и я вдруг заорал нашу строевую:

Ты прошла с солдатами,
Горами Карпатами,
Согревала ласково
Серая шинель...

На плацу танкового полка на правах «деда» и старшины третьей роты не пел, а тут меня проняло.

Я подошёл к родительскому дому, и пока открывал старую калитку, меня облял наш пёс Кудлатый.

— Вот тебе и здрассте-пожалуйста,— сказал я весело,— ты что, Кудлатый, спятил или остарел?

Услышав мой голос, пёс затих и, завиляв куцым хвостом, побежал навстречу. Я потрепал его по хитрой лисьей морде и вошёл во двор.

Было ранее утро, но двор уже жил своей жизнью. В закуте вздыхала корова, хрюкнул голодный с ночи поросёнок, в курятнике наводил порядок петух. Вот он, дым отечества. Как будто и не уезжал никуда...

Прогрохотал металлический засов изнутри хаты, и отец, маленький, подвижный, в неизменном сером, замызганном пиджачишке, уже сходил с высокого деревянного порога.

— Здорово, солдат! — Почти без всякого удивления с хрипотцой в голосе сказал отец, но по тому, как порывисто он меня обнял, понял: ждал, волновался...

— А я думаю, чего тут Кудлатый разоряется,— отец смахнул слезу,— думаю опять Надьки Гуровой гуси на наш двор зашли. Пошёл вон! — грозно крикнул отец Кудлатому, который было сунулся в открытую дверь хаты.

— Ну вот, сразу сердчать,— я тоже обнял батю, почувствовав его худые, жилистые плечи.

— Какой там — сердчать. Я ныне тихий стал. С этим делом,— отец щелкнул себя по горлу,— можно сказать, завязал. У нашей матери не забалуешь...

На порог, легка на помине, вышла мать. Ещё больше раздобревшая, простоволосая, в старом, знакомом халате, она тяжело спустилась с порога. В руках у неё было ведро — шла доить корову. Увидев меня, охнула, присела на ступеньку и заплакала. Тут же выскочила моя двадцатилетняя сестра Марина. Ещё не причёсанная, босоногая она кинулась ко мне, повиснув на шее.

— Вот так и выходит – всё мать у тебя на последнем месте, – шутливо сквозь слёзы сказала мать, когда я подошёл к ней, и, обняв её, поцеловал в знакомые, чуть углубившиеся морщинки...

Что было потом? Завтракали на скорую руку. Я сидел на широкой лавке под образами, с удовольствием ел вчерашние разогретые на электрической плите щи. Отец было начал расспрашивать про службу, вспоминать свои ратные годы, но мать решительно прервала его.

— Ты, Алексей, из ума что ли выжил. Отстань от сына. Успеешь наговориться. Пусть Сашок с дороги охолонет. А ты иди поросёнка режь. А то к вечеру народ соберётся – чем угощать будем?

То, что соберётся народ, что людей надо будет угощать – было само собой разумеющимся делом. И отец безропотно встал из-за стола.

— Верно говоришь, Матрёна Ивановна. Пойдём, Сань, завалим кабанчика. Справный вышел. Специально тебя дожидался, не трогал, а давно пора. Тебе и карты в руки, – засмеялся отец, обнажив нижние щербатые зубы. – Поглядим, какой ты вояка, товарищ механик-водитель...

Пока выгоняли поросёнка, пока я чесал у него брюхо, отец искаса поглядывал на мою крепкую мускулистую фигуру в тельняшке и, словно забыв о том, зачем вышли во двор, спросил:

— Сколько у тебя учений там на Сахалине было? Четыре? Маловато. А ночных? Тоже не густо. Вот к нам в сорок третьем в партизанский край танкисты генерала Катукова целый десант устроили. Вот это герои!

— Вы бы не болтали, а делом занимались, – мать уже шла от коровы с ведром, наполненным парным молоком.

— Ты, Матрёна, что въедливый старшина, – хмыкнул отец, – не волнуйся, щас сладим дело. А ну, сынок, покажи класс...

Он протянул мне кривоватый с отточенным лезвием тесак. Поросёнок, почувствовав неладное, вскочил на свои короткие ножки и в раскачку побежал по двору. Вскоре он забился в лопухах между сараями и затих.

Я повертел в руках нож и посмотрел на небо, уже голубое, щедро освещённое солнцем, хотя над близким лесом всё ещё висело

мареву утреннего тумана. Мне захотелось уйти в этот лесок, где чуть не каждое дерево было знакомо, где в холодке росла земляника, где пахло грибами и мятой, и я вдруг понял, что не могу выполнить желание отца. Куда-то ушла лихость, и даже выпитая рюмка водки не помогла настроиться на воинственный лад. Я подумал о том, что крестьянская в общем-то работа – валить скотину – оказывается не всякому крестьянину по нутру...

— Эх ты, язви твою душу, – огорчился отец, увидев мою нерешительность. Он смачно, но не злобливо выругался и взял у меня из рук тесак.

— А ну, Сань, тяни его за нижние ноги, – вскоре закричал он, наваливаясь на боровка плечом...

Многое забылось с тех пор, а вот эта история с поросёнком почему-то задержалась в памяти. Потом был ужин по поводу моего приезда. Соседей набилось целая хата. Я сидел в центре стола и отвечал на разные вопросы про службу на Сахалине.

Пахло свежей печёнкой, разваренной картошкой, самогоном-первачом, подкрашенным вишнёвым вареньем, малосольными огурцами, укропом...

Напротив сидела черноволосая, большеглазая Ленка, подруга сестры и искося то и дело кидала на меня взгляды. Ленку в деревне считали красавицей, а мне так не казалось – тогда мне нравились бойкие райцентровские девчонки с модными причёсками и в белых туфлях–лодочках. У Ленки не было ни причёски, ни туфель, и всё же там, на Сахалине, когда приходила тоска по дому, я кроме родителей вспоминал почему-то Ленку – простоволосую, весеннюю, в лёгком ситцевом платье.

Ленка жила с непутёвой, шумной матерью, у которой никогда не было постоянного мужа, любившей выпить, и с полоумным братом Костюхой. Костюха, правда, был тихий, добрый, Ленка любила его, ухаживала за братом. Летом в дальней лошине Костюха пас деревенских коров, бабы платили ему за это, но мать почти всегда отбирала у него деньги на выпивку...

Ленка, как говорили в деревне, с детства «бегала» за мной почти не скрывая этого, несмотря на моё равнодушие к этому «беганью».

За день до отъезда в армию, когда я возвращался из совхозного клуба, встретил её у нашей хаты.

Ленка стояла спиной к забору, и под светом луны в белом ситцевом платье она вдруг показалась мне нездешней, незнакомой, будто пришедшей из райцентра или соседнего села. Она стояла молча и смотрела не на меня, а куда-то в даль, за огороды, где в берёзовой роще ещё гуляла молодёжь и где под гармошку объездчика совхозного сада Петьки Кузнецова девчата выводили:

Куда бежишь, тропинка милая?

Куда зовёшь, куда ведешь?

Кого ждала, кого любила я,

Уж не догонишь, не вернёшь...

— Уезжаешь? – спросила Ленка, теребя поясok платья.

— Уезжаю. Труба зовёт...

— Знаю, я тебе безразлична, – Ленка не обратила внимания на мою иронию, – но я всё равно тебя буду ждать. Вот и всё, что хотела сказать...

Я машинально обнял Ленку. От её волос пахло мятой и ночной свежестью. На мгновение она прижалась ко мне, и я почувствовал, как задрожали её худенькие плечи. Ленка завертела головой, пытаясь вырваться из моих рук, и я поцеловал её сначала куда-то в висок, а лишь потом в губы и, повернувшись, пошёл к калитке.

Во дворе я сел на лавку и стал думать про Ленкины слова. У меня было уже несколько «дружб» со станционными девчатами, я считался бойким парнем, а тут отчего-то заныло сердце. Будто ехал я ехал, и включился внезапно тормоз. И заскрежетало на душе. Почему? Отчего?

Ленка всё ещё стояла на улице, я мог бы выйти к ней. Но если выйду, подумал я, то произойдёт что-то нехорошее, неправильное...

Так я думал тогда. А теперь через много лет я жалел, что не вышел, что не сказал ей в ответ добрых слов. Ведь тогда может быть впервые проснулась моя душа. И может быть в тот миг окончательно попрощался я со своим детством...

Я слышал, как Ленка прошла совсем рядом и шаги её стали удаляться всё дальше и дальше, пока не стихли. Я сидел, привалившись к забору спиной, и мне вдруг захотелось заплакать. Может быть, ухо-

дя в армию, я почувствовал свою вину и перед Ленкой, и ещё перед кем-то, кого обидел в этой начинавшейся моей взрослой жизни...

* * *

... Когда рассвет уже начал появляться в окне вагона, закончилось чувство ожидания. До боли в сердце захотелось увидеть родную деревню, сад за околицей, наш дом в том саду и пшеничное поле за ним.

Я ехал на свадьбу племянника, ехал без особого желания. Просто ляпнул год назад розовощёкому лохматому увальню Лёне, что да, приеду на их свадьбу с Ритой и не мог не сдержать слово.

Ехал я один, так как более двух лет с женой мы уже не жили, а сын Колька лишь рассмеялся, когда я позвал его с собой с Красноталовку.

Лёня, сын сестры Марины, работал трактористом в совхозе, чудом сохранившемся в нашей деревне. Племянник мне нравился своей степенностью, рассудительностью, полным отсутствием интереса к передаче «Пусть говорят» и всяким электронным прибаббасам. Но в прошлом году, когда я приезжал в отпуск, Марина отозвала меня в сиреневую аллею, что росла возле их большого кирпичного дома под оцинкованной крышей и вдруг всхлинула:

— Лёнька-то мой с ума сошёл, – к Ритке Кожуховой прилип, как репей...

— Ну и что? – спросил я. – Ритка так Ритка. Тебе-то что?

И тут я вспомнил эту грубоватую рослую блондинку, похожую на скульптуру «девушка с вёслом».

— Как что, Саша? – Марина опять всхлинула. – Ритка эта с Жоркой Сутягиным путалась в прошлом году. Недели две жила у них во флигеле. А перед Новым годом бросил её Жорка и уехал в Москву. Говорят, женился и охранником там в какой-то фирме устроился... Господи, зачем мне всё это! И не знаю, что делать?

— А что делать? Ничего делать не надо. А если любовь у них, Маша?

Я назвал сестру, так как называл в детстве, и она почувствовала, что мне не безразлична её тревога, долго молчала, хотя слёзы невольно катились по её ещё крепким смуглым щекам.

— В конце концов Никифор-то твой что про всё это думает?

— Уж он придумает,— Марина устало махнула рукой.— У него одна забота – хозяйство. Каждый год что-нибудь пристраивает, расширяет, закупает. Недавно ларёк пивной открыл. Очень хороший у меня муж! Только надоело всё. Ни разу толком в отпуск не съездили. Не поверишь – в Москве ни разу не были. Жить-то когда, Саша?

Марина повернулась и пошла к дому, освещённому изнутри электрическим светом. Мне стало жаль её, но что я мог сделать, чем помочь?

Теперь я ехал на свадьбу, зная, что всё уладилось. Уладилось же как-то... На станции, едва вышел из вагона, меня окликнул Лёня, по-прежнему розовощёкий, но хорошо подстриженный, слегка поху-девший.

— Дядь Саш, транспорт подан,— Лёня подвёл меня к мотоциклу с коляской.— Садись, пожалуйста...

* * *

Свадьба была не очень большая, но по-деревенски шумная. Столы с угощениями стояли под яблонями, и иногда пожелтевшие листья падали на столы, хотя на это никто не обращал внимания. Я увидел знакомые лица родственников, но больше – незнакомых, молодых, наверное, приятелей жениха и невесты. Муж сестры Никифор, демонстративно не прикасаясь к спиртному, ходил, распоряжался, кому-то делал замечания, что-то шептал тамаде...

Я откровенно заскучал. Заметив это, ко мне подседа сестра, обняла, поцеловала в щеку, начала благодарить за подарок – конверт с деньгами: успела, видимо, пересчитать, потом начала вспоминать наших родителей, которые давно покоились на деревенском кладбище.

— Ну как дела на заводе?

— Хвалиться нечем, но пока держимся...

— А Валентина? Не сошлись?

— Не сошлись...

— Ох, братик мой дорогой, что ж судьба-то тебя не жалует? – сестра заплакала,— ты ведь у нас в Красноталовке всегда первым парнем был. Может зря уехал?

— Ты свои «охи» прекрати. У каждого своя судьба-дорожка...

— Были люди на этой дорожке, кто любил тебя, да ты того не оценил, мимо прошёл,— Марина полотенцем, что держала в руках, вытерла слёзы.

— Это ты про Ленку? Кстати, где же она, твоя верная подруга? Что-то не вижу её среди гостей?

— Спыхватился! — Сестра грустно и, как мне показалось, с презрением усмехнулась.— Ждала тебя лет пять, как ты в город укатил. Всё надеялась. А как узнала, что женился, вышла за одного плюгавенького командировочного инженеришку, что на маслозавод приезжал монтировать оборудование. Увёз он Ленку нашу в Москву. Родила она дочку, потом сына. Поначалу писала мне исправно. Но последние полтора года — молчок. Я, правда, послала ей приглашение на Лёшкину свадьбу, да сомнительно, что приедет. Она нынче фирмой какой-то руководит. Он, плюгавенький-то, с головой оказался. Успел там, что надо приватизировать, бизнес организовал... Мать Лены померла, как раз в тот год, когда она с инженером познакомилась, а Костюху не бросила. Так и сказала жениху: или брата с собой берём, или никуда с тобой не поеду. Взяли...

* * *

Перед сумерками, когда в саду стало особенно темнеть, на высоком столбе включили сразу две электрические лампочки, и оттого стали видны лица подвыпивших гостей. Ко мне подошёл Никифор, уже изрядно пьяный и начал доказывать, какой он добрый хозяин, как он облагодетельствовал мою сестру, и что для молодожёнов выделил и флигель, и мотоцикл (которому в субботу сто лет, подумал я), и первотёлку с курами.

— С курами? — спросил я, невольно сдерживаясь, чтобы не послать зятя в одно место.

— С ими,— пьяно икнул Никифор,— целых восемь штук... А что мало? Ещё дам, нам не жалко... А вот ты, Александр, что имеешь? А? Что Кольке своему выделил?

Я встал из-за стола, неосторожно опрокинув бутылку тёмного вина, и Никифор, несмотря на хмель, метнулся к этой бутылке и, подхватив её, тщательно завинтил пробку.

В саду становилось всё сумрачнее, но среди деревьев я различал знакомую тропинку. Во многих местах она заросла и я, пока дошёл до нашего бывшего двора, изрядно промочил в росе чешские туфли.

Забор покосился и в некоторых местах лежал на земле, так что отцовский дом сиротливо и одиноко стоял без построек и сараюшек, давно сгнивших или растащенных на какие-то нужды (мне сразу вспомнился хозяйственный Никифор).

Где-то за домами на горизонте догорала вечерняя заря, и в её свете я едва различил деревянные ступеньки. В доме давно никто не жил, но я всё же решил войти. Но едва вступил на ступеньку, как она треснула подо мной и мне показалось, я упал, но, наверное это только показалось, так как в следующий миг я опять шагал дальше, и дверь открылась почему-то без стука щеколды...

В сенцах пахло пожухлым сеном и мышинным помётом, под ногами заходили старые осевшие доски пола. Открыв дверь хаты, я осторожно заглянул внутрь. Старый дубовый стол по-прежнему стоял у окна, заслонка загораживала печное отверстие, а на железной кровати, где когда-то спали мать с отцом, лежали свёрнутые старые матрацы.

Надтреснутый посередине четырёхугольный радиоприёмник, купленный отцом в конце пятидесятих годов, криво висел на стене, затянутый паутиной. Рядом молчали часы с кошачьими глазками. Паутиной был затянут и угол, где когда-то висели иконы. Лишь старые тёмные занавески висели на своём месте, напоминая о святом угле, перед которым много раз молилась мать.

Щелкнув выключателем, я понял, что света нет и наугад шагнул мимо чёрного чулана во вторую маленькую комнату, где когда-то стояла моя деревянная кровать, сделанная руками отца. В темноте я шагнул неловко, ударился головой о низкую притолоку, на которой раньше висела люлька, сплетённая из ивовых прутьев – сначала моя, а потом Маринкина...

Растирая шишку на голове, я вдруг услышал, как... пошли старые часы. Меня это почему-то не удивило, не удивили и знакомые голоса, послышавшиеся в сенцах.

— А картошку убирать завтра всё же пора,— слышался голос матери.— Ты, Алексей, сходи с утра к Ивану Андреевичу, попроси лошадёнку с сохой...

— Не в первой,— ответил отец, усаживаясь на лавку под образами.

Мать щелкнула выключателем, зажёгся свет и из-за занавески на привычном месте я увидел иконы и целёхонький белый радиоприёмник, кошачьи глазки на часах бегали туда-сюда.

— Давай выпьем, Матрёна,— сказал отец и откупорил бутылку.

— Опять ты за своё,— мать недовольно бурча захлопотала в чулане, загремела заслонкой.— Вот Сашок с армии придёт, я ему расскажу про твои художества...

— Сашка? Да он меня поймёт,— отец крякнул и опрокинул стограммовый стаканчик,— он у нас герой... Кто в Красноталовке ещё в танковых войсках служит? Никто. А он служит. Туда дефективных не берут...

Я видел, как мать села на лавку под образами рядом с отцом и подпёрла голову руками.

— Опять Маринки нету,— вздохнула она,— опять со своим говоруном гуляет, ох, не нравится он мне, больно жадный. Не верю ему...

— А почему не веришь? — отец опять забулькал,— а я верю. Молодец Маринка: за Никишкой будет, как за каменной стеной. Вот как у Сашки сложится жизнь — тут я сомневаюсь...

— Поздно уже,— сказала мать,— ложись, Алексей, а то глядь, утром и сын из армии придёт. Ведь телеграмма-то вчерась была... А что касается с кем ему быть — он, думаю, уже выбрал. Ленка Маруськина ему по душе...

— Дура ты тёмная,— отец поперхнулся,— кто Сашка и кто она? Ведь он писал, что в институт наметил поступать, а она восемь классов кое-как кончила.

— Ложись, ложись,— сказала мать,— без тебя разберутся...

— Как ложись, если ты такие темы поднимаешь,— заартачился отец.— Симка Котова, Ивана Андреевича дочка, председателя нашего — вот кто Сашке пара. Дом-то у них какой! А с лица воду не пить...

— Нет, хорошая Елена, — не унималась мать, укладываясь на печи и укрываясь лоскутным одеялом, — славная девушка, не только красивая, но и умная, работающая, не чета Симке-белоручке...

— А мать у неё кто, у Ленки твоей? — отец опять заартачился, — позора хочешь на нашу голову...

— Иди спи, генерал какой нашёлся, — мать повернулась на бок и задвинула за собой полосатую сатиновую занавеску.

— А ну тебя к лешему, — отец, покачиваясь, пошёл к кровати. Он прошёл совсем рядом со мной, я бы мог тронуть его за ногу, но руки не слушались меня, словно онемели. Отец с размаху повалился на постель и вскоре захрапел.

Свет они выключить забыли. И, когда в хате совсем затихло, я медленно встал и на цыпочках пошёл к двери. Обычно скрипучая дверь легко, будто её смазали солидолом, открылась и, осторожно пройдя по сенцам (пол подо мной тоже не скрипнул), вышел на улицу.

Была уже ночь. Из-за туч медленно появлялась луна. Оглянувшись на наш дом, из которого только что вышел, я не увидел света в окнах, но удивиться не успел, очередная деревянная ступенька треснула подо мной, и я упал, ударившись головой о что-то невидимое, наверное старую трухлявую скамейку...

* * *

Очнувшись, я не увидел, а скорее почувствовал Ленку. Она стояла на коленях рядом со мной, лежащим возле стены, и поддерживала мою голову руками.

— Как ты себя чувствуешь? — Ленка прижалась ко мне щекой, и я почувствовал, что по щеке её катятся слёзы.

— Всё хорошо, — ответил я, приподнимаясь и садясь на траву, — что ты плачешь? Всё нормально, видишь — даже крови нет...

Мне действительно было хорошо: голова из-за падения почти не болела, и тихая радость медленно оживала в глубине души.

— Ты извини, я сейчас, — сказал я Ленке и опять пошёл в хату. В сенях вновь под ногами задвигались доски, заскрипела дверь, которую я быстро распахнул. Где-то в темноте хаты застрекотал сверчок, и сквозь маленькое оконце, освещённое снаружи луной, было

видно, что на стене по-прежнему висят безжизненные часы, рядом покосился радиоприёмник. В углу не было никаких икон...

Трудно было поверить, что я видел своих родителей во сне, а может быть, как я упал в первый раз с порога, так и пролежал до появления Ленки?

Думая обо всём этом, я вышел на улицу.

Тучи совсем отошли, отплыли за берёзовую рощу, и теперь уже всю светила луна, и совсем недалеко за деревьями продолжало шуметь свадебное застолье.

Ленка села на траву, я примостился рядом.

— Откуда ты взялась? – первое, что я спросил.

— Могла бы ответить по анекдоту, но скажу честно: на свадьбу Лёшкину приехала. Пригласила Марина, и приехала. Причём, чуть ли не всем семейством. Но село есть село. Завязла «Хонда» наша в мокром чернозёме. Муж пошёл трактор искать, дочь со своим Вадиком охраняют добро, нажитое непосильным трудом, а я... Будто магнитом сюда, к вашему дому потянуло... И надо же – не обмануло сердце. Я, собственно, и приехала, зная, что ты будешь на свадьбе...

— Лен, это правда? – у меня перехватило дыхание.

— Я тебя никогда не обманывала. Да и ты меня тоже, – она усмехнулась, – может потому и захотелось тебя увидеть. Когда ещё придётся?

— Я тоже много думал о тебе, – сказал я, – особенно – последнее время. Как жаль, что столько лет упущено...

— Что Бог не делает, – Ленка достала из сумочки сигареты, щелкнув зажигалкой, закурила. – Не предлагаю, сестра писала, что с никотином не дружишь. И молодец!

Она погладила меня по голове, и её прикосновение вызвало у меня умиротворённость, похожую на ту, которую испытывал я, когда вот так же гладила меня по голове в далёком детстве мать.

Я схватил её руку и поцеловал мягкую, сухую ладонь.

— Долго ждала я тебя, Саша! Много слёз выплакала, всё вспоминала нашу деревню и вечер перед твоим уходом в армию, поцелуй тот единственный...

Ленка затаилась сигаретой, и в свете этой затяжки я увидел её повлажневшие глаза.

— Видно, так уж устроено — хочется иногда думать о самом важном, что было в жизни, хочется вернуться туда, в молодость, да нельзя это сделать. Нельзя, Саша...

Она поднялись, я тоже встал. Мы оказались почти одного с ней роста. Ленка положила руки мне на плечи и нежно поцеловала в губы. Потом устало произнесла:

— Ну, прощай! Дай тебе Бог счастья! И — спасибо тебе, Саша...

Я хотел спросить: за что она благодарит меня, но не успел, так как Ленка быстро пошла вдоль покосившегося забора в ту сторону, где шумела свадьба.

Её фигура, пополневшая, но всё ещё статная, желанная несколько минут была видна на фоне лунного света, пока Ленка не зашла в тень яблонь старого сада. Сада нашей юности...

Смешной случай

Заведующий репортерским отделом городской газеты «Добрый вечер!» Эдик Ломакин, импозантный неженатый красавец с легкой сединой на подстриженных висках, потерял голову из-за Милочки Барыкиной, недавно принятой в редакцию оператором компьютерного набора.

Милочка была миниатюрная, во всех местах кругленькая с маленькими карими глазами-бусинками на розовом всегда восторженном лице. Встречая ее в коридоре, Эдик чувствовал, как что-то обрывается в его груди и глубоко падает в недра почти двухметрового тела.

Когда Милочка, повиливая круглыми, изящными бедрами в обтягивающих джинсах иногда заходила в репортерский офис, Ломакин, как мальчишка, не мог оторвать от неё глаз. В такие минуты у Эдика напрочь пропадало его обычное остроумие...

«И на старуху бывает проруха», – думал обо всем этом Ломакин. На звонки многочисленных подруг он отвечать перестал.

Как-то, оставшись один в отделе кадров, Эдик торопливо, поворовски отыскал в шкафу личное дело Барыкиной и узнал, что она замужем и у нее есть ребенок. Ломакин загрустил, чувствуя себя оскорбленным полученной информацией. Но утром следующего дня, вновь увидев Милочку, услышав перезвоны ее кукольного голосочка, он опять почувствовал, как что-то обрывается в его груди.

– Ой, Эдуард Михайлович, а у меня к вам дело, – вдруг сказала Милочка, поравнявшись с завотделом.

В коридоре было довольно тесно, и маленькая Милочка несколько раз слегка коснулась высокой грудью плеча Ломакина.

– Я вас слушаю, – Эдик старался говорить как можно спокойнее, но в то же время почти физически теряя дар балагура, при помощи которого он обычно ошарашивал и покорял женщин.

– Эдуард Михайлович, мы могли бы с вами встретиться? – радостно, но в то же время и загадочно (как показалось Ломакину) выдохнула Милочка.

— Да, конечно, а где, когда? — машинально откликнулся Эдик, и сердце его затрепетало.

— А приходите завтра ко мне домой, — Милочка повернула аккуратную головку к окну и махнула рукой: — Вон там, за парком, возле кафе мы живем. Придете?

Договорились встретиться вечером после работы, и Милочка, сообщив адрес и одарив Эдика лучезарной улыбкой девственности, убежала по своим делам.

Весь день Ломакин, томимый предстоящей встречей, не находил себе места. То он представлял, как она дарит ему неземные ласки, то на сердце наваливалось тревожное чувство. «А муж, а ребенок? — задавал себе вопрос Эдик и тут же старался себя успокоить: — Да нет, наверное, она сегодня одна, иначе зачем же приглашать...» И он вновь представлял, как обнимает Милочку.

Вернувшись с работы, Ломакин стал собираться. Принял ванну, тщательно побрился, надел любимый темно-синий французский костюм, сунул ноги в модные кожаные туфли. По дороге он зашел в супермаркет и купил бутылку дорогого коньяка, в цветочном ларьке выбрал роскошный букет белых роз...

Дверь ему открыл толстый черноволосый мальчик лет десяти, чем-то неуловимо похожий на Милочку. Мальчик равнодушно взглянул на гостя с цветами и громко, чуть ли не на весь подъезд, крикнул:

— Ма, это к тебе...

В дверях показалась Милочка в розовом халате с каким-то пузырьком в руке.

— Проходите, Эдуард Михайлович, не стесняйтесь, — сказала Милочка и солнечно улыбнулась, — я — сейчас...

Пока Ломакин снимал туфли, Барыкина что-то делала за зеленой матерчатой ширмой, разделяющей маленькую комнату-гостинку.

— Ма, я пошел к ребятам на улицу, — опять громогласно сообщил черноволосый мальчик, направляясь к выходу.

— Долго не гуляй, — раздался из-за ширмы голос Милочки, и сердце Эдика, все еще стоящего в прихожей с букетом в руках и коньяком в кармане, встрепенулось: они остаются одни!

— Проходите сюда,— позвала из-за ширмы Барыкина, и гость услышал перезвон стекла. «Неужто угощение готовит? — мелькнуло в голове.— Не зря я коньяк захватил...»

Эдик шагнул за занавеску и... остолбенел. Здесь повсюду: на столе, на полу, на подоконнике стояли пузырьки, баночки, бутылочки.

— Вот смотрите,— Милочка взяла один из пузырьков и вылила из него темную жидкость на потертый ковер у себя под ногами. По ковру расплылось синее пятно.

— Думаете, испортила вещь? — хозяйка рассмеялась, словно рассыпала горох.— А мы вот так...

Она вылила на тоже место жидкость из другого флакона, и пятно стало медленно таять, пока совсем не исчезло.

— Ну что скажете? — с восхищением спросила Милочка,— а вот еще фокус...

Она схватила другой пузырек и плеснула из него себе на кофточку чуть ниже груди.

— Что вы делаете! — невольно вырвалось у Ломакина.

Он без приглашения опустился вдруг в старое кожаное кресло, одиноко стоящее у стола, заставленного Милочкиным богатством.

— Химия! — восторженно ответила Барыкина, вытирая на себе след от краски волшебной жидкостью.— Я тут в одной фирме подрабатываю, реализую эти замечательные препараты...

— А как же... А я причем? — приходя в себя спросил Ломакин и перекинул ногу за ногу,— Вы что, меня на экскурсию пригласили?

— Да нет,— замаялась Милочка,— просто вы мне показались симпатичным человеком и я хотела, можно сказать, поделиться с вами бизнесом...

— Что-что? — Эдик положил букет на стол между химикатами.

— Ну, в общем, я думала вы заинтересуетесь и напишите заметку в нашу газету про эти препараты. Чтоб покупали лучше, а то ведь не набегаешься по квартирам...

И видя, что гость встает и поворачивает к двери, несмело сказала ему в спину:

— Не бесплатно, конечно...

Дома Ломакин, чертыхаясь снял с себя дорогой костюм, со злостью отбросил туфли в угол комнаты и, оставшись в одних трусах,

лег на диван лицом вниз. Ему было одиноко и тоскливо. Он вдруг начал вспоминать лица девушек, побывавших в его квартире, но лица мелькали в его сознании, сливаясь в одно, которое он не смог бы описать...

Привстав, он дотянулся до телефона и набрал номер главного редактора.

— Петрович, я что-то плохо себя чувствую. Температура? Да, высокая. Завтра не приду, уж не обессудь. Спасибо.

Положив трубку, Ломакин налил целый фужер коньяка, вернувшегося вместе с ним от Милочки, и выпил до дна. Потом рухнул на диван и включил телевизор. Показывали очередное шоу со «звездами». Но Эдик лишь мельком посмотрел на знакомые, до смерти надоевшие лица, вздохнул и закрыл глаза. Вскоре он крепко спал. Лишь две слезинки выкатились из-под сомкнутых век Эдика и замерли на щеках, чтобы высохнуть через некоторое время...

Дождь на мосту

Поезд из Москвы пришёл рано. Ещё плыл в ночной дымке большой стеклянный вокзал, а над пирамидальными тополями, растущими у перрона, висели крупные августовские звёзды, мерцающая и переливаясь, словно радуясь чему-то там, в невообразимой своей вышине...

Выйдя из вагона, заместитель областного министра сельского хозяйства Игорь Петрович Волков зашёл в вокзал, пересёк зал ожидания и направился к выходу в город. Краем глаза увидел на привычном месте работающий газетный киоск и, подойдя к нему, купил областную газету, на ходу начал читать. Волков находился в командировке больше недели, соскучился по местным новостям.

Читал газеты как большинство людей – с последней страницы. В глаза бросилось знакомое лицо в чёрной рамке. Волков остановился, потом машинально присел на скамейку, стоящую у стены зала ожидания. На траурном снимке была Жанна. Игорь Петрович взгляделся в строки некролога. «В дорожной аварии погибла наша талантливая журналистка, лауреат конкурсов...», – строчки вдруг запрыгали перед глазами Волкова, незнакомо заняло сердце.

– С приездом, Игорь Петрович! – к нему подошёл как обычно оживлённый, белобрысый водитель Саша. – Чуть было не проглядел вас. Давайте вещи...

Быстро подхватив объёмистый портфель шефа, Саша заспешил к выходу. Волков встал и, словно факел сжимая в кулаке газету, пошёл следом. В уютном салоне «Тойоты» Саша начал бойко рассказывать о последних новостях в министерстве, о своей воскресной вылазке на рыбалку. Игорь Петрович слышал его голос, словно сквозь вату. «Погибла талантливая журналистка, погибла, погибла», – било в висок.

– Останови, – вдруг резко, почти грубо сказал Волков в спину водителю.

Выйдя из машины, медленно побрёл по улице. Город просыпался. Прогудел первый автобус, из-за угла, о чём-то оживлённо бесе-

дую, вышла группа дорожных рабочих в оранжевых робах, первые прохожие заспешили по своим делам.

Игорь Петрович думал о Жанне. Он отчётливо, до малейших подробностей вспоминал их первое и последнее свидание на мосту через Дон. Тогда Волков ждал её в «Тойоте» на левом берегу и уже в деталях представлял их встречу, как вдруг разверзлись небеса и под сильным ветром упруго закосил дождь. Струи забарабанили по крыше автомобиля с такой силой, что заглушили красивую песню Иглесиаса, звучащую из динамиков. Игорь Петрович подумал, что Жанна может не найти его среди дождя, в белом тумане, опустившемся на город вслед за ливнем. Его стало злить, что природа противится их встрече, такой желанной, на которую он надеялся с того самого мига, как впервые увидел Жанну.

Она пришла к нему в рабочий кабинет брать интервью о развитии фермерства, и он поначалу неохотно, с натугой отвечал на её вопросы, то и дело, кидая взгляд на папку с документами, которые предстояло подписать.

Он так и не понял, почему обратил на неё внимание как на женщину. В жизни Волкова, высокого, стройного, похожего на голливудского киноартиста, было немало интересных женщин. Да и жена Инга до сих пор числилась среди первых городских красавиц...

Отвечая на очередной вопрос, он искоса попристальной взгляднул на неё и увидел перед собой уже не очень молодую женщину с прямым взглядом и, как ему показалось, скучным лицом. Но когда он ответил, а она вновь спросила, слегка улыбнувшись и взглянув на него серыми, чуть раскосыми глазами, он понял, как она ещё хороша собой, как умна и что он давно не встречал таких женщин...

Они проговорили долго. За окном уже был вечер, а ему все хотелось говорить и говорить с Жанной.

Он вызвался её подвезти домой. Она не отказалась, сообщив лишь, что дорога неблизкая – живёт в небольшом посёлке за городом. Водителя Волков давно отпустил, поэтому за руль сел сам. Пока ехали, никак не могли продолжить разговор, будто что-то сломалось, оба говорили невпопад и, почувствовав это, Жанна замолчала и стала смотреть в тёмное окно автомобиля.

Она указала сельскую улицу и маленький шлакоблочный дом, едва различимый среди высокой травы и старых яблонь. Он заглушил мотор и вышел, чтобы открыть для неё дверцу, но не успел – Жанна открыла её сама. Коротко попрощавшись, пошла по заросшей тропинке мимо рубленого старого колодца.

Видимо там, в домике, её ждали, а может, и смотрели сейчас из низкого оконца. Думая об этом, Игорь Петрович понимал, что у него нет никакой возможности задержать её, сказать что-то на прощанье и может быть то, что он хотел и не решился сказать в машине.

Утром следующего дня Волков нашёл телефон редакции, где работала Жанна, и позвонил. Услышав её голос, без предисловий сказал:

– Мы не обо всём вчера поговорили. Давайте встретимся?

Жанна ответила не сразу.

– Вы наверное хотите материал посмотреть перед публикацией? Рано. Он будет готов лишь завтра...

– Нет, – сказал Волков, – мне надо обсудить с вами совсем другую тему...

– Где, когда? – голос Жанны был равнодушный, глуховатый, и он с огорчением подумал, что позвонил зря. Но она вдруг продолжила: – Что же вы молчите? Или раздумали встречаться?

Договорились встретиться за мостом: так удобнее и ей, и ему.

Он приехал заранее... И вот – этот дождь, будь он неладен. Изредка над Доном высвечивала молния. Наконец Волков не выдержал. Прихватив с заднего сидения серую ветровку, выскочил из машины, кое-как оделся и по-юношески стремительно побежал вверх по крутой лестнице.

На мосту он остановился, вслушиваясь в гулкие удары сердца, ощущая болезненное напряжение в коленях. Ощущения эти были для Волкова почти забытыми, так как он уже и не помнил, когда так быстро бегал и бегал именно по такому поводу...

Прикрываясь ладонями от настойчивых струй колкого, не полетному прохладного дождя, он пошёл по мосту в сторону города. Дорожка возле перил была пуста, и сердце, начинавшее было успокаиваться, опять тревожно ёкнуло: «Не пришла!»

И тут же увидел её маленькую фигурку в желтом плаще под синим зонтом, ломающимся от ветра. Закрываясь от дождя, и борясь

с зонтом, Жанна не увидела его, пока они не столкнулись. Игорь Петрович прижал её к себе, боясь, что Жанна испугается и качнётся в сторону бегущих совсем рядом автомобилей.

Получилось, что он обнял её, и Жанна тоже по инерции прижалась к нему, невольно коснувшись лицом его лица, и он губами почувствовал её мокрую холодную щеку, ощутил под желтым плащом маленькие плечи.

Обнявшись, они стояли над Доном, словно забыв вдруг, что над ними резвится гроза и продолжает идти надоедливый дождь, а внизу бурлит серая, растревоженная ливнем река...

Всё это Игорь Петрович вспомнил сейчас, медленно шагая по утреннему городу. На миг ему показалось, что он перебирает в уме сюжет какого-то фильма или книги. Так мимолётны были отношения с Жанной, что в их реальность можно было и не поверить. Но они были! Был дождь на мосту, были мокрые ладони Жанны на его щеках и была та единственная их ночь в старой деревянной даче на левом берегу. Дача была совсем не министерская, Волков построил её давно, ещё будучи агрономом пригородного совхоза.

Под утро, когда наконец-то закончился дождь, и в комнате стало душно. Жанна отбросила коричневый плед и, встав с раскинутого дивана, обнажённая пошла открывать форточку.

Лёжа в постели, он любовался ею и радуясь, и одновременно испытывая чувство вины. Ночью она рассказала о муже – инвалиде первой группы, двух ещё толком не определившихся в жизни взрослых детях, о квартирной проблеме. И Волков, понимал, что наносит удар по этим, никогда не виденным им людям.

Он тоже разоткровенничался. Начал жаловаться на свою жизнь, на служебные неурядицы, равнодушные жены и сына... Чуть позже ему стало стыдно этих признаний, но Жанна, почувствовав это, обняла и погладила его маленькой рукой по голове, словно ребёнка. Его давно так не гладили, и он успокоился, затих рядом с ней. Показалось, что наконец-то испарилась из сердца необъяснимая застарелая тревога...

— Спасибо тебе, – он поцеловал её теплую руку.

— Не за что, – она улыбнулась и опять погладила его по седеющим мягким волосам.

Он вспомнил, что завтра ему ехать в Москву на семинар и сказал ей об этом.

— Как вернусь – сразу позвоню,– заверил Волков, одеваясь в предутреннем сумраке.

— Не надо слов и обещаний,– сказала Жанна. Она быстро оделась и вскоре уже стояла у двери.– Заводите лучше машину, Игорь Петрович. Возвратите меня в семью, а то она, не дай Бог, пойдёт под откос...

— А может и лучше, коль так? – спросил Волков, обнимая Жанну и целуя её в шею.– Не пустить ли нам другой поезд?

— Не надо,– она отстранила его и уверенно пошла к одиноко стоящей у забора «Тойоте».

Когда они поехали по пологому берегу Дона и до моста оставалось совсем немного, Жанна попросила остановить машину. По песчаной косе пошла к воде. Волков догнал, зашагал рядом.

— Спасибо вам, за эту встречу,– вдруг тихо сказала Жанна, глядя на полоску утренней зари, что всё смелее и смелее разгоралась над Доном.– Я запомню, всё запомню...

— Зачем так трагично? – попытался пошутить Игорь Петрович.– Всё будет, как говорится, хорошо...

— Хорошо,– раздумчиво сказала Жанна, и он не понял, то ли она продолжает его мысль, то ли восхищается тихим утром.– Езжайте в свою командировку и ни о чём не думайте...

— Приеду – обязательно позвоню. Нам надо о многом поговорить,– твёрдо, без улыбки сказал Волков и первый пошёл к автомобилю.

Уже сидя за рулём, он увидел, как там, у реки, она резко повернулась, словно прощаясь с зарей, отражённой в воде, и пошла к нему. Полы её желтого, давно высохшего плаща на секунду распахнулись, и Волков еще раз увидел, как она стройна, по-девчоночьи стремительна.

... Игорь Петрович не заметил, как дошёл до моста. На его середине, там, где неделю назад он впервые обнял дрожащую от холода Жанну, остановился и посмотрел вниз. Новая утренняя заря зарождалась над Доном, который величаво и неторопливо нёс свои воды к Азовскому морю. Но Игорь Петрович знал, какое сильное течение бурлило в глубине реки.

Перед рассветом

Перед самым рассветом мне приснился сон.

Будто я возвращаюсь с фронта июльским днем сорок пятого...

Пыльная сельская улица освещена ярким солнцем. Я иду с вокзала домой, в деревню, где родился в январе сорок девятого и где не живу уже много лет.

Рядом со мной, тоже в военной форме, идет женщина -светло-волосая и коренастая, с легкой улыбкой на смуглом лице. Она одета в яловые солдатские сапоги, и полы ее юбки защитного цвета хлещут по кустам созревшей полыни. Я не знаю, кто эта женщина, сколько ей лет и почему она идет рядом. Я не вижу ее лица, но знаю, что она похожа на мою покойную мать, девчонкой всю войну проработавшую в колхозе...

Мы заходим в наш двор и садимся на деревянную скамейку в старом яблоневом саду, посаженном отцом в начале шестидесятых. Мы сидим и ждем, что кто-то выйдет во двор из открытой двери нашей саманной хаты, но никто не выходит.

— Вот и все,— говорю я и утираю ладонью пот со лба,— вот и все...

Женщина сидит рядом, и ее красивое лицо осеняют веселые солнечные лучи. Она поворачивается, кладет руки мне на глаза, и я чувствую прикосновение мягких холодных губ к моей щеке. Потом она встает и через открытую, слегка покосившуюся калитку уходит на улицу. «Не уходите!» — хочу закричать, но голос меня не слушается, и я лишь шевелю губами...

Уход женщины огорчает меня так, словно я теряю самое важное в своей жизни. Мне вдруг не хватает воздуха, и... я просыпаюсь с бьющимся сердцем и испариной на лбу.

В комнате еще темно. Рядом бесшумно спит жена. Лишь одинокая неведомая звезда, напоминающая взгляд женщины из только что увиденного сна ласково заглядывает в окно.

В тиши комнат под тиканье часов я лежу с открытыми глазами и думаю о своем сне.

О чем он, зачем? Может быть, он – результат генетической памяти о моем дедушке, погибшем на Курской дуге, которого я никогда не видел? Или, может быть, сон – святая затаенная зависть к поколению людей, защитивших Родину, погибших, но сделавших главное дело в своей жизни?

А кто была та женщина? Случайный ли это образ, или это голос судьбы, возвещающий о приближении Вечности?

Палисадник

— Помогай Бог! – я сказал это почти машинально, увидев недалеко от наших гаражей незнакомого мужчину лет пятидесяти, ковыряющего лопатой клочок земли в палисаднике.

Он косо взглянул на меня и молча продолжал «вгрызаться» в сухой и твёрдый грунт.

— Нелегкое это дело, – снова сказал я. – Может помочь?

Мужчина вновь промолчал, лишь недовольно качнул лысоватой головой и бросил на меня настороженный, почти злобный взгляд...

Мысленно ругая себя за сказанные, как оказалось, ненужные слова, я пошёл дальше.

Что это? Может он только что поругался с женой или у него болит зуб? А может вообще ему плевать на людей, которые его не интересуют?

Если – второе, то дело, как говорится, швах. Палисадник палисадником, а в разведку с такими ходить опасно ...

Ужин при свечах

Александр Андреевич Проханов настолько талантлив, что, участвуя в различных телепередачах, он изъясняется так красочно, так образно, что и присутствующие в студии, и телезрители чуть ли не вживую представляют картину, которую живоописует писатель.

Мне запомнилось, как он делился впечатлениями о погибшей в авиакатастрофе над Чёрным морем докторе Лизе – Елизавете Глинке.

Наверное, этот случай Проханов когда-нибудь вспомнит и сам блестяще опишет в какой-нибудь книге или в своей газете «Завтра». А может и забудет... Мне захотелось восстановить этот краткий рассказ, чтобы люди не забывали о подвижнической роли настоящего патриота России, большого русского писателя Александра Проханова, а также помнили маленькую хрупкую женщину с огромными детскими глазами, спасающую немало мальчишек и девчонок на горящем Донбассе.

... После страшных боёв на высоте Саур-Могилы Александр Андреевич поехал туда, в зону только что затихших сражений. Он вдохнул запах гари, увидел исковерканные, посечённые снарядами памятники бойцам Великой Отечественной войны, склонив голову, стоял у свежих могил детей, стариков, женщин.

Его, прошедшего Афганистан, две Чечни, Югославию, потрясло увиденное, напрочь опрокинуло сознание: славяне убивали славян!

Писатель встретился с ополченцами, жителями осаждённых посёлков и деревень, услышал плач ребятишек и их мам, выходящих из подвалов на несколько минут подышать свежим воздухом, пока не стреляли орудия ВСУ...

К вечеру крайне уставший, немолодой, грузный Проханов вернулся в маленькую донецкую гостиницу, ещё не разрушенную снарядами.

В небольшом полуподвальном помещении работало кафе, и Александр Андреевич зашёл туда, чтобы перекусить: с утра у него маковой росинки во рту не было.

Но войдя в эту сумрачную комнату, освещённую восковыми свечами и потому похожую на уголок церкви, он вдруг почувствовал, что у него совсем нет аппетита. Проханов подошёл к стойке буфета и заказал водку и томатный сок. Ему налили и то, и другое, и писатель, взяв оба стакана, вернулся на своё место в зале.

Он сел за низкий столик, покрытый газетными листами и огляделся. У Проханова было плохое зрение, и он смутно различал людей, находящихся в кафе. Все они говорили вполголоса – видимо, привычка войны, и Александр Андреевич опять ощутил церковную обстановку.

Он выпил водку, но ему не стало легче. Лишь где-то в глубине души проснулись строчки, готовые лечь на бумагу. Ему отчасти всё же удалось очнуться от пережитого, тяжелого, страшного, всего того, что он увидел за день. Но чувство беды, горечи и тоски не проходило, и различные звуки: истошный плач женщин, хриплые, простуженные голоса ополченцев, крики испуганных взрывами детей всё ещё томили душу Александра Андреевича.

И вдруг что-то произошло. Будто внезапно стало теплее, а свечи стали гореть ярче. Он ещё не знал что изменилось, но явственно, почти физически ощутил приближение этой теплоты и этого света.

От стойки буфета к нему подходила женщина. Он узнал её, когда она приблизилась. Доктор Лиза. Они были знакомы с того времени, когда в Кремле слушали Президента России, а до этого почти мимолётно встречались под Дебальцево, когда Елизавета Глинка вела группу раненых детей к автобусу, чтобы отправить их в Ростов-на-Дону, а он шёл среди разведчиков Моторолы в сторону передовой.

Теперь доктор Лиза быстро подошла к Проханову, он не успел подняться навстречу, и она положила руки на его плечи. Он поднял голову, и они молча смотрели друг на друга. Доктор Лиза вдруг обняла его маленькими тёплыми руками, слегка наклонившись, поцеловала в висок и быстро пошла к выходу...

Она спешила. Её опять ждали дети – ради этого она и приехала в очередной раз в зону боёв.

Прошло несколько минут, и Проханов вдруг почувствовал, как с души медленно скатывается тоска и начинает гаснуть ощущение

беды. Писателю показалось, что он принял какое-то лекарство, или ему только что сообщили хорошую новость.

Не было ни лекарств (если не считать выпитую водку), ни вестей, ни тихого голоса доктора Лизы, но её мимолётное прикосновение, её явление ему в полутёмном прифронтовом кафе, словно живая вода воскресили душу.

Проханов встал и уверенно пошёл на улицу, где его ждали люди, где слышались голоса молодых командиров, готовящих группы вооружённых людей, чтобы увести их в холодную темноту ночи на защиту своих домов, своего Донбасса, воспетого в десятках советских песен...

Маэстро

Когда-то мы работали с ним в главной областной газете. Я был молодым, начинающим собкором, он – заведующим одного из основных отделов. За глаза и в глаза его называли «Маэстро». Он к этому давно привык и принимал это прозвище, как имя.

Приезжая на совещания, я видел его равнодушные глаза, небрежно оттопыренную нижнюю губу, розовую родинку на подбородке, вечно дымящуюся сигарету, схваченную крепкими желтоватыми зубами.

Он небрежно делал нам, собкорам, замечания, безбожно кромсал привезённые нами материалы. Однажды так сократил мою корреспонденцию об уборке кукурузы, что едва не рассорил с первым секретарём райкома партии того города, где я жил...

А ещё Маэстро был любитель женщин. Его и близко нельзя было причислить к красавцам, но... Многие журналистки, корректорши и машинистки по нём сохли. Маэстро их не обижал...

У меня не было к нему чувств вражды, страха или зависти. Он был талантлив даже в том, чтобы не вызывать этих чувств у коллег.

Через несколько лет его забрали в «Известия», а меня назначили на его место. Поговаривали Маэстро приложил руку к моему выдвижению, хотя месяца два до этого я ему в горячке сказал:

— С правкой моего репортажа не согласен!

— Так надо, Толя, так надо,— не поднимая глаз от стола сказал он, а потом вдруг посмотрел на меня своими светлыми, почти водянистыми глазами.— Ну не влезал материал на полосе, а тема позарез нужна. Ты уж извини, старик...

— А ты возьми и сам напиши,— меня откровенно понесло,— покажи нам, молодым, как надо...

Он давно не публиковал своих материалов и его явно задело моё замечание.

— Поработай с моё, а потом подавай голос,— почти грубо сказал Маэстро, уткнувшись в очередную рукопись,— свободен!

Я вышел из кабинета, чересчур громко хлопнув дверью...

И – о, чудо! Через пару недель Маэстро выдал прекрасный аналитический материал о проблемах мелиорации. Публикацию тут же повесили на «Красную доску». Вскоре он опубликовал ещё несколько отличных статей. По одной из них собрали бюро обкома и выгнали с работы первого секретаря Северного райкома партии. Вот так! После этого мне стало неловко за сцену, устроенную в его кабинете...

Прошли годы. Распался Советский Союз. По сути дела рухнула и наша когда-то одна из лучших региональных газет. Маэстро ушёл на пенсию, а я до сих пор работаю главредом в одной из ведомственных многотиражек.

Много лет мы не виделись. И вдруг недавно, когда в выходной день я ехал на дачу, в машине зазвонил мобильник. Я остановился на обочине и взял трубку.

— Это ты? – услышал я знакомый хриловатый голос без всяких «привет» и «здорово».

— Я, что случилось? – мысленно я прикинул, что не видел его уже лет восемь.

— Да ничего, слава Богу...

Маэстро немного помолчал, потом сказал:

— Понимаешь, сегодня ночью я внезапно проснулся от того, что незнакомый женский голос произнёс: «Позвони Анатолию...» И фамилию твою назвала. Голос прозвучал так чётко, что я испугался. Так у тебя действительно всё в порядке?

— Да, всё нормально, – я слегка оторопел от слов Маэстро, не зная в каком тоне продолжать разговор.

Поблагодарил его за эту тревогу обо мне. Он начал рассказывать, с каким трудом разыскивал мой телефон: и тому звонил, и этому, и в прежнюю редакцию заходил.

Я поинтересовался, как он живёт. Маэстро помолчал, потом выдохнул:

— Существую, – он сказал обычным хриловатым, но как бы простуженным голосом, так не похожим на уверенный, почти дикторский, которым он озвучивал когда-то свои впечатления о наших материалах на редакционных семинарах, – пенсионерствую. Пытался писать в бывшую нашу газету, но там другие люди, другие темы... Сам всё знаешь. Умерла журналистика, старик...

Маэстро опять помолчал, потом сказал:

— В общем, ты там поосторожней.— Мало ли что...

Было раннее утро. За окном автомобиля в туманной дымке до самого горизонта тянулось густое, созревшее пшеничное поле. Где-то в придорожной траве стрекотали кузнечики. Стая воробьёв метнулась в сторону леса.

Птицы живут вместе, подумал я. Вместе они и в беде, и в радости. Жаль, что у людей так получается редко...

Прикоснись осторожно...

В юности, да и позже я стеснялся красивых девушек. Стеснялся до дрожи в коленях, хотя с виду был бойким и говорливым парнем: читал стихи со сцены, участвовал в интермедиях и спектаклях, был секретарём комитета комсомола самой большой школы района. Боялся подойти к такой и заговорить, нерешительным выглядел на танцах в совхозном клубе.

Теперь, когда жизнь, скорее всего, отсчитывает последние годы моего пребывания на грешной и прекрасной земле, я могу ответить на вопрос: почему так происходило. Я, конечно, не открою Америку: ситуация банальная - просто боялся, что мне откажут. И всё же — я жил в мире одухотворённой юности, в которой жили многие мои сверстники и, слава Богу, во мне этот мир существует до сих пор! Для нас, пацанов, девочки, особенно красивые, скромные и любимые были восторгом и радостью. Они вызывали чувство восхищения, надежды, мечты, мы относились к ним как первоцветам весны, смотрели на них, словно на свет далёких звёзд.

Мы не могли запросто прикоснуться к ним и потому, что олицетворяли себя с рыцарством и мужской сдержанностью.

Это состояние тайной любви жило во мне долгие годы.

Теперь, я благодарю Господа, что так было... Иначе я не познал бы, не почувствовал аромата юности, не запомнил хороших людей, которые встретились мне в начале пути.

Конечно, я был наивен. Несомненно, та, на которую я со вздохом поглядывал, наверное, с досадой ждала моего признания. Не смог. Не решился. Недавно вспомнил свою школьную любовь, вспомнил её маму, весёлую совхозную почтальонку тётю Шуру и написал:

«Тётя Шура, почтальонка!

В вашем доме есть девчонка.

Дочка милая, смешная.

Лучше всех — я это знаю!»

Этих слов я не сказал,

И стихов не написал.

Не решился. Не посмел,

Лишь потом я

пожалел...

Иногда, гуляя в парке, вижу, как открыто милуются молодые. А точнее — юные. Совсем юные, положив у ног рюкзак с учебниками. Только что «оперившаяся» красотка, закрыв глаза, и, запрокинув голову, с придыханием отдаётся в поцелуе стриженному, раскрашенному татуировками парню, коршуном нависшему над нею...

И в моё время были, так сказать, раскрепощённые молодые люди. Но не до такой же степени!

«Нам как аппендицит поудалили стыд — писал Андрей Вознесенский. — Бесстыдство наш удел...»

Эх, молодость! Если б ты знала, что хорошо и что плохо, если бы старость могла тебе помочь в этом разобраться!

В книжку – про Аришку

В МАГАЗИНЕ

В магазине у пятилетней внучки Арины глаза разбегаются: мы подошли к отделу игрушек.

— Дедушка, это можно? – Арина берёт в руки синего крокодила.

— Можно.

— А это? – указывает внучка крошечным пальчиком на пластмассовый пистолет.

— Бери.

— А это? – Ариша обеими руками вцепилась в жёлтый объёмистый самолёт. Игрушка явно не для девочки, да и цена у неё «кусается».

— На самолёт у меня денег не хватит, – откровенно говорю я, ощущая скорое падение своего «рейтинга» в глазах любимицы.

— Ладно, – вздыхает девочка. – Эх, был бы ты Хоттабычем, наколдовал бы много-много денег...

Ариша ещё раз окидывает взглядом разноцветье детского отдела и, погладив игрушки, лежащие в магазинной тележке, улыбается.

Хорошая внучка!

ПОМОЩНИЦА

Когда Арише было два с половиной года, она вместе с мамой приехала к нам на дачу. А я как раз собрался убрать подальше кирпичи, оставшиеся после постройки сарая. Собирал их стопкой и относил под большую бочку с водой, лежащую на каменных опорах.

Кирпичей было штук тридцать. Пока я закончил дело, вспотел. Умылся под рукомойником и пошёл в комнату смотреть футбол по телевизору. После завершения первого тайма зыхожу во двор

и млею. Почти все мои кирпичи вновь лежат на старом месте. Из-под бочки Ариша тащит последние две половинки.

— Внученька, зачем ты это делаешь? – спрашиваю я, пытаюсь выхватить из крошечных ручонки тяжёлые кирпичи.

— Я сама! – кроха решительно ускоряет шаг, но вдруг спотыкается, и сердце у меня падает от страха.

— Да ты, что, дедушка, – Ариша поднимается, вновь хватается за кирпичи, – я же тебе помогаю...

— Спасибо, моя хорошая, – я сажусь на порог и со страхом смотрю, как Ариша, укладывает последнюю половинку. Помощница!

КАК Я БЫЛ СКАЗОЧНИКОМ

Ариша привыкла тянуть с отходом ко сну. Нередко, полежав в кровати пять-десять минут, вдруг заявляла, что хочет есть, и под этим предлогом, шлёпая босыми ножками по ламинату, отправлялась на кухню. Бабушка бросала мыть посуду и начинала кормить внука. Арина делала вид, что ест, но количество пищи в тарелке практически не уменьшалось. Такую картину наблюдать можно было довольно часто.

— Слушай, Ариш, а хочешь дедушка расскажет тебе сказку? – спросила однажды жена.

— Хочу, – глаза у внучки, вяло жующей огурец, загорелись – а про что?

— Иди в постельку, дедушка скажет про что... Толь, подойди к Арише..., – кричит мне сообразительная супруга.

Я всё слышу. Бросаю свои шахматы и иду в спальню. Мимоходом «благодарю за доверие» жену:

— Вспомнила, как Мишку укладывали спать?

— А какая разница. То – Мишка, а теперь Аришка... Давай, давай, на то ты и писатель.

— Ну что тебе рассказать, солнышко? – я склоняюсь над внучкой, а потом осторожно ложусь рядом с ней. – Хочешь про медвежонка Пуха или Дюймовочку?

— Нет, не хочу,— решительно говорит Ариша,— они мне в мультфильмах надоели. Расскажи что-нибудь ещё...

— Хорошо. А кто в нашей сказке будет? Волк, лиса, заяц?

— Да, пусть они. А ещё – жёлтая машина, пароход и ...— внучка задумывается,— самолёт.

Вот тебе раз. Задание не из простых. Впрочем, внук Миша тоже самое со мной вытворял несколько лет назад, и я начинаю.

— Однажды Волк поехал в гости к Лисе на жёлтой машине, но на повороте она попала колесом в яму и сломалась. Что делать? Тогда Волк побежал на пристань и, сев на большой пароход, поплыл к Лисе.

— А Заяц? – зевнув, спрашивает Ариша.

— А Заяц был капитаном этого парохода. «А ну давай быстрее плыви,— крикнул Волк Зайцу,— а то я тебя съем...»

— Дедушка, если он его съест, то кто же будет рулить пароходом? – веки Ариши двигаются всё медленнее и медленнее.

— Нет, Волк просто так сказал,— успокаиваю внучку.— Пошутил.

— А потом? – Ариша спрашивает уже с закрытыми глазками.

— А потом Волк пересел на самолёт и полетел к Лисе над лесами, горами, реками...

Фантазия моя, конечно, не блещет, можно сказать, иссякает. Слава Богу, внучка заснула. Она легонько вздыхает и поворачивается на правый бок, сложив ручонки под щекой. Наверное, сейчас Ариша видит продолжение сказки.

Таких историй при усыплении Ариши было немало. Она называла мне действующих лиц, предметы, и сказка начиналась. Нередко я сам хотел спать, поэтому сюжет у меня выходил «не ахти», повторялся, а то и был откровенно графоманским.

Слушавшая мои придумки-экспромты жена как-то сказала:

— Ты вот что, литератор. Заранее сюжет придумывай и записывай. Тогда интереснее Аришке будет...

— Я – не детский писатель,— отвечал я вяло, полусонным выбываясь из спальни, где внучка, убаюканная моей очередной придумкой, сопела носиком.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

- Ариша, ты меня любишь?
- Сейчас – не особенно.
- А когда особенно?
- Когда не кричишь...

Да, не в лоб, а в глаз! А вроде бы не обращает внимания на наши с женой пикировки...

ПЕРВАЯ ДРАМА

Когда мама привела Аришу из садика, девочка долго сидела на диване, о чём-то размышляла. «Уж не заболела ли? – затревожилась мама, удивляясь, что столь любимый Аришей компьютер сиротливо стоял с выключенным экраном.

— Мама, напиши мне надпись, – наконец сказала пятилетняя дочка.

- Какую? – мама удивлённо остановилась посередине комнаты.
- «Костя, я тебя не люблю». Так и напиши...
- Зачем? – мать сдержала улыбку.

— А я завтра эту надпись Зайцеву покажу. Чтоб знал, как со Светкой играть...

Средняя группа детсада. Читать ещё не умеем, писать тоже. И уже переживаем первую драму в жизни. Можно улыбнуться, а можно и задуматься... Жизнь идёт!

ПОВЕСТЬ

Поезд в деревню

До конца, до тихого креста
Пусть душа останется чиста!

Н. Рубцов.

Вечером они опять поссорились. На этот раз ссора была особенно нелепой — из-за Маринкиной игрушки. Днем на базаре Галина купила пластмассового Бармалея. Годовалая внучка взяла его в руки, повертела и вдруг громко заплакала.

Андрей Сергеевич, оторвавшись от газеты, взглянул поверх очков в коричневой роговой оправе и раздраженно буркнул:

— Ну вот, неужели нельзя было купить что-нибудь получше — ерунду какую-то взяла. Маришка заикаться от страха будет. Не понятно, что ли?

— А ты понятливый — вот и шел бы сам покупал, — огрызнулась Галина. — Да куда там! Ты и дорогу в магазин не знаешь. О внучке заботишься, а хоть раз посидел с ней? Только обещать детям, что все будет в порядке, а как этот порядок достается...

Жена не договорила, всхлипнула и, резко повернувшись, ушла на кухню, оглушительно загремев там кастрюлями.

Дети — сын Виктор и невестка Любочка — дня три назад уехали в очередную «челночную» командировку. Андрей Сергеевич вспомнил, как Галина долго и обстоятельно давала им наставления, почему что брать, куда прятать деньги, и чертыхнулся. Суета со всеми этими «купи-продай» до глубины души раздражала его, всю жизнь проработавшего дежурным по станции. Он долго противился бизнесу, которым решило заниматься семейство. Противился до тех пор, пока однажды после Витькиной свадьбы Галина не спросила его: на что и где будут жить молодые? Чем они, родители, им помогут?

На сердце тогда нахлынул стыд за то, что ничем особенным он, Андрей Сергеевич, лично помочь сыну материально не мог. И он

махнул рукой, когда Галина бросила свой медпункт и подалась на рынок, потащив за собой молодых.

Ему не спалось. Не могла, видимо, заснуть и жена, ворочаясь с боку на бок рядом. Только Мариночка, их любимый человечек, спокойно посапывала в своей кровати с резиновыми колесиками, стоящей возле постели со стороны Галины.

Прогудел скорый. И затрясся по рельсам совсем рядом. В сотне метров — вокзал. Там работа Андрея Сергеевича. Каждую смену он в своей красноверхой фуражке встречает и провожает поезда. Который уже год...

Да, Андрею Сергеевичу не уснуть. Что-то в последнее время беспокоит его и сегодня — больше, чем обычно. Он упирается локтем в край постели и осторожно встает. Затем, выставив перед собой руки — чтобы не наткнуться на что-нибудь в темноте, идет на кухню.

На кухне, не включая света, он подходит к окну и смотрит на улицу. Осенние звезды сверкали в темном небе над спящим городом, и одна из них, как показалось Андрею, самая большая и чем-то знакомая, по-женски ласковая, особенно ярко мерцала ему из далеких глубин Галактики.

«Вот она, звезда моего детства, — подумал он. — Когда я видел ее раньше? Где? Может быть, в ночном, рядом с отцом? И почему эта звезда явилась мне через столько лет? Почему так долго я не видел ее?»

В шкафу мерно тикали часы. Андрей Сергеевич открыл форточку, присел возле батареи отопления на низенький старый табурет и закурил. В последнее время он любит сидеть здесь и думать о жизни. Отсвет неоновых витрин с улицы мерцает на стеклянной посуде, стоящей в шкафу, размеренно преломляясь качанием верхушек старых тополей за окном... В такие минуты Андрей улетает в годы своей молодости. Он вспоминает, как отец Галины построил им этот когда-то шикарный дом из красного кирпича под белой шиферной крышей. Теперь дом осел, крыша поблекла, а кое-где и потемнела. Но тогда дом, словно сказочный замок, возвышался над бараками и двухквартирными домишками станционных рабочих.

Поначалу это смущало Андрея, вчерашнего колхозного тракториста, с рождения восемнадцать лет прожившего в деревне и ставшего вдруг горожанином. Но позже, вспомнив старый спор с отцом, он воспрял духом.

— Нигде тебе не будет лучше, чем дома, — не раз упрямо и не совсем трезво твердил отец, так как подобные разговоры он затевал чаще всего на праздники.

За всю свою жизнь отец только три раза покидал родную деревню: в сорок третьем, когда уходил на войну, в пятьдесят восьмом, когда ездил в соседний райцентр хоронить однополчанина, и вот теперь, когда на электричке вместе с женой приехал на свадьбу сына в город.

— Жить надо, где родился, — подвыпив, опять завел свою шарманку батя, — иначе это не жизнь, а сплошное недоразумение. Ожидание сам не знаешь чего. На чужбине-то не у всех душа распрямляется...

Говорил он это за свадебным столом вполголоса, кроме Андрея отца никто из гостей не слышал, и это радовало сына. Он считал, что отец не прав. Ему, Андрею, все же повезло. Сразу после приезда из армии, не отдохнув в родительском доме и трех дней, поехал на курсы механизаторов в город.

Тогда тоже была осень, время бабьего лета — мягкой розовой дымки, осыпания с тополей листьев, шуршащих по асфальту мостовой. Субботним вечером он пришел на день рождения к своему однокурснику на улицу Баумана, где в саду среди гостей и встретил Галину — черноволосую, рослую, с быстрыми карими глазами девушку. Через неделю она привела Андрея к себе домой. Во дворе большого особняка, в тихом палисаде, увитом хмелем, Галина познакомила Андрея с отцом, полным лысоватым брюнетом с чуть заметной, будто приклеенной улыбкой на большом рябоватом лице.

* * *

Жизнь протянется — всему достанется, не раз повторяла мать Андрея, тихая женщина, вечно боявшаяся своего мужа. Тогда, в детстве, Андрей мало обращал внимания на эти слова, а теперь, пере-

шагнув пятидесятилетний рубеж, понимал: да, так оно и есть. Всем и всему досталось от судьбы.

Давно нет на свете родителей. Отсидев три года за финансовые махинации, умер от рака легких всемогущий когда-то тесть. Вырос сын, набежало годков и Андрею с Галиной. Казалось, лишь теща, словно живая реликвия, застыла без изменения во времени. Андрей помнил ее молодой, всегда хорошо причесанной, в дорогой одежде и курящей папиросы «Беломор». При этом теща пренебрежительно разговаривала с окружающими.

После всех передраг с мужем теща жила не в высоком особняке, который конфисковали, а в однокомнатной квартире в центре города и никогда не приезжала к дочери в привокзальный квартал. Андрей Сергеевич по поручению жены время от времени отвозил теще что-нибудь из вещей или продуктов.

В прихожей его встречала сухая, молодящаяся старуха с накрашенным розоватым лицом в тяжелом, наглухо застегнутом бархатном халате. С зятем кроме «здравствуй и прощай» она ни о чем не разговаривала.

«Неужели она ни о чем не хочет поговорить? — думал иногда Андрей Сергеевич, закрывая за собой обитую коричневым дерматином массивную дверь тещиной квартиры. — Хоть бы про внука спросила. Вот человек!»

* * *

...За окном прогрохотал очередной состав и отвлек Андрея Сергеевича от воспоминаний. Окно было приоткрыто, осенняя ночь пахла мокрыми прелыми листьями. По дороге, расположенной у самого забора, прошелестели велосипедные шины, послышался мужской голос, потом чуть хриловато и негромко запела женщина.

Песня о чем-то напомнила, и Андрей Сергеевич потер лоб, стараясь вспомнить — о чем именно. Он нагнулся и подобрал с пола упавший окурок, и, пока вспоминал, показалось ему, что в этот миг кто-то находящийся далеко-далеко подумал о нем нежно и светло. Сердце встрепенулось, и Андрей Сергеевич вскочил с табурета и заходил по узкому пространству кухни между газовой плитой и столом.

Да, время прошло стремительно. Казалось, совсем недавно вот тут, где стоит газовая плита, стояла плита кирпичная. В ней горели дрова и уголь. И здесь в первые годы супружества мечтали они с Галиной о будущей, казавшейся такой безоблачной жизни.

На этом самом табурете Галина чистила картошку и вслух мечтала о поступлении в медицинский институт. А потом читала стихи. Он любил Светлова, она — Есенина. На кухне, так как поначалу это была единственная мало-мальски обустроенная комната, среди кастрюль и банок лежали книги стихов и того и этого поэта.

Как-то вечером, пока Галина готовила ужин, Андрей с воодушевлением читал вслух стихи. Он рубил рукой воздух, подражая скорее Евтушенко, чем Светлову:

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы.
Это скачет Жанна д' Арк
К осажденному Орлеану.
Двух бокалов влюбленный звон...

В этот момент в дверь постучали, и тут же кто-то вошел. Андрей обернулся и увидел Леху. Рыжий, лохматый, он скалил зубы и топтался на месте, разводя руками по поводу своих мокрых ботинок.

— Ну ты даешь, Андрюха — стишки шпаришь, совсем городской стал... Здорово!

Обнялись. Леха был другом детства. Он жил в их родной деревне, пахал землю, учился на заочном в сельхозтехникуме и, судя по всему, был доволен жизнью.

— Ты как сюда, почему не предупредил, не написал? — оторопело спрашивал Андрей, зная большую нелюбовь Лехи к городским поездкам.

— Вышло так, — гость засмутился, но тут же улыбнулся, — одним словом, жениться засобирился я, паря. Вот и приехал вместе с невестой перед свадьбой по магазинам пошататься. То надо купить, это... Мать, теща будущая, то есть, целую тетрадку исписала.

— Так где же невеста-то? — застыла на месте Галина, так и не успев повесить на гвоздь тяжелый и влажный Лехин буйслат.

— Да тут она, возле хаты вашей. Еле нашли вас в этих улочках-переулочках. Думал, опять заплутались. Сейчас позову, — Леха начал подыматься с дивана.

— Ну ты и балбес, Рыжий, — в сердцах вспомнил детскую кличку Лехи Андрей и уже из коридора крикнул: — Без тебя обойдусь!

Он заторопился, не сразу нашел ручку двери, но, выходя на улицу, уже знал, кого сейчас увидит.

Женя стояла у забора и, отвернув голову от ветра, куталась в воротник каракулевого полупальто. Она не сразу заметила Андрея, поэтому вздрогнула, когда он взял ее за руку.

— Здравствуй, что же ты не заходишь?

— Здравствуй. Да Алексей в разведку же ушел. Говорит, погоди, может их дома нет. Вот и гожу...

Когда Женя и Андрей вошли в комнату, Леха уже сидел на только что привезенном утром плюшевом, слегка затертом — подарок тестя — диване и, раскрасневшись от тепла, пояснял Галине:

— Так вот эту самую фату и не успели купить. В магазине сказали, завтра с утра, мол, приходите. Покумекали мы с Евгенией и решили к вам на ночевку податься. Больно уж накладно второй раз из-за этой фаты в город мотаться. Так что извиняйте, земляки, за беспокойство...

— Ну и молодцы, что пришли, — искренне радовалась Галина, хлопоча у плиты. — А ну-ка, Андрюш, сбегай в магазин. Сейчас пировать будем.

Леху Галина знала хорошо. На их с Андреем свадьбе Леха здорово выручил — до синевы в пальцах шуровал на своей хромке, всем влез в душу и игрой, и развеселыми, по-деревенски разбитными частушками.

Через час они успели выпить, закусить жареной картошкой с солеными огурцами и разговориться. Пока словоохотливый Леха рассказывал про свое житье-бытье: и корова у него с весны стельная, и кур прорва, и поросенок в закуте хрюкает, Андрей искоса посматривал на Женю. Она больше молчала, лишь изредка включалась в разговор жениха с хозяевами дома.

Что у нее на душе? Может, забыла все? Может...

Перед самой армией бригадир послал колхозного тракториста Андрея Путилина привезти на своем С-100 с прицепом семена озимой пшеницы из райцентра. В напарницы дали лаборантку зернотока Женю Костину. Бюрократов на элеваторе хоть отбавляй, поэтому когда загрузились и тронулись в путь, стало темнеть. Ко всему тому пошел вдруг сильный и холодный дождь. На раскисшей грунтовой дороге трактор то и дело сползал в глубокие колеи, мотор работал на пределе, и, казалось, вот-вот сорвется его трескучий и натужный рев. Вскоре случилась авария. На повороте трактор занесло и, налетев на большой валун, он закружился на месте — лопнула правая гусеница.

— Все, приехали, — осмотрев поломку и вернувшись в кабину, чертыхнулся Андрей. В ярости он ударил по безжизненным рычагам, и в наступившей тишине они жалобно скрипнули под его сильными руками.

— А что же теперь делать? — спросила Женя со страхом.

— А ничего. Ждать. Утра. Кто сейчас по этой дороге поедет.

Андрей по-хозяйски задраил пустыми мешками щели в дверях и посмотрел на Женю. В широкой кабине она казалась особенно маленькой, почти ребенком, и ему стало жаль ее, испуганную и продрогшую. Она и впрямь дрожала то ли от холода, то ли от той ситуации, в которой они оказались. Сколько раз она мечтала остаться наедине с Андреем. Но он даже ни разу не проводил ее, лишь как-то пригласил на танец в клубе, вскоре забыв об этом и совершенно не предполагая, что творится в душе этой девушки...

— Иди ко мне поближе, — сказал он, расстегивая старую кожаную куртку на меху. — Да не бойся, не укушу, а то замерзнешь в своей фуфаечке.

Она хотела отказаться, но осенний ветер завыл за стеклом, по крыше кабины вновь забарабанил дождь, и Женя невольно придвинулась к Андрею. Ему пришлось полуобнять девушку, прижать к своей груди, и он почувствовал, как затрепетало под его ладонью узкое податливое плечо. Легкий, чуть пряный запах ее волос заполнил пространство вокруг Андрея, и ему вдруг показалось, что он давно ждал этого мгновения, этого спокойствия души, внезапно проснувшейся-

ся радости. Такого ощущения у него никогда не было прежде, и он вдруг позабыл и дождь за стеклом, и аварию, и завтрашний непростой разговор с бригадиром. Тревоги отлетели, словно черные вороны, и время как бы остановилось. Лишь огромные, казалось, бездонные глаза Жени смотрели на него снизу вверх. В каждом, словно две дрожащие луны, отражался луч карманного фонарика, лежащего на сиденье, который Андрей забыл выключить. От неосторожного движения фонарик свалился на пол кабины. Андрей чуть отстранил Женю и нагнулся за ним, почти коснувшись лицом сведенных упругих колен девушки. Теперь она сверху вниз неотрывно смотрела на него...

Он не помнил, как все произошло. Он что-то говорил, она отвечала. Это были слова быстрого признания, внезапного откровения с обеих сторон, хотя, когда ее горячее дыхание забилося возле его виска, а стук двух сердец слился воедино, какая-то необъяснимая пока тревога, похожая на угрызение совести, кольнула его под левой лопаткой, но тут же улетучилась...

* * *

За всю ночь Андрей с Лехой почти не сомкнули глаз. Когда Галина увела Женю спать, допивали остатки «Экстры», вспоминали детство, родителей, школу.

— Все-таки добился своего, — намекая на предстоящую женитьбу, — вдруг перевел разговор Андрей. — Как же ты добился?

Леха внимательно посмотрел на друга сразу протрезвевшими серыми глазами и, потупив взор, выдохнул:

— Интересно тебе? Ну что ж: ай не знаешь? Зачем спрашиваешь, если знаешь, что ходил я за ней, словно тень, сколь себя помню. Ходил возле, не дышал. Думал: разве такая королевна до меня снизойдет...

Леха замолчал, словно в горле у него появился ком, повертел в коротких мозолистых руках вилку и продолжал:

— Я ведь понял, когда ты ушел в армию: между тобой и Женей произошло что-то серьезное. Все два года, пока ты служил, не подпускала она к себе никого. Я-то знаю, что думала она о тебе, письма

ждала. А ты поганой бумажки пожалел... Я радовался, конечно, что не было от тебя писем, но и жалел ее. Честно скажу, паря, хоть и друг ты мне старинный, но хотел пришибить тебя, как придешь со службы. Может быть, так бы и сделал, да быстро ты в город шмыганул, а потом и Женя бы этого не одобрила. Ведь любила она тебя всерьез. Да и нынче аж вся затряслась, когда я подвел ее к вашему дому.

— Специально привел, — понял Андрей, — чтоб совесть потом была чиста. Так?

— Так. Догадливый ты. Только про совесть, что касается Женьки, ты уж лучше помолчи...

Андрей хотел возмутиться, дать Лехе отповедь, но увидел его кудлатую, опущенную голову и вдруг понял: а ведь прав Леха. За все время после той ночи в кабине трактора он всерьез не подумал о Жене, о том, что она чувствует, как живет. Не ответил на ее письма, которых, кажется, было три... Конечно, о том, что по отношению к Жене он поступил нехорошо, Андрей догадывался и раньше, просто не мог себе до сих пор признаться в этом.

Когда человеку открывается черная сторона жизни? Одному раньше, другому позже. В день, когда сыну исполнилось восемь лет, Андрей подарил ему велосипед. Два дня радостный Витька гонял на нем по двору, по улицам, а на третий Галина послала сына в магазин купить хлеба. Витька поехал на велосипеде. И пока он стоял в очереди, отцовский подарок украли.

Домой сын пришел тихий, безмолвно отдал матери сетку с хлебом и ушел к себе в угол. С тех пор что-то изменилось в его характере. Он стал реже смеяться...

— Ладно, лекции тебе читать не буду, — Леха поднял голову и разлил остатки водки по стаканам, — не за тем приехал. На свадьбу вас с Галей пригласить приехал. Приедешь? На Покрова и сыграем.

И не дождавшись ответа, вдруг горячо заговорил:

— А ты хоть знаешь, что она, Женька-то, можно сказать, спасла меня. Точно. Когда мать схоронил — отец, ты знаешь, в могиле еще с тех пор, как мы с тобой беспортошными бегали, запил я, Андрюха. Никого ведь на свете. Был старший брат Серега, да помер где-то на Севере. Замерз вроде, писали нам. Одним словом, крепко я запил. Ну, а в пьяном виде меня медом не корми — дай подраться. Вот

и нарвался на своих однова. Схлестнулся в пивной с приезжими шоферами. Так отделали, что пришлось две недели в райцентральной больнице отвалиться.

Лежу как-то в тоске и печали, подходит медсестра и говорит: к вам посетитель. Гляжу и глазам своим не верю: входит в палату Женька. Входит и будто солнышко с собой несет... Потом еще два раза приезжала. Ну вот так и пошло. Я, откровенно говоря, до сих пор не верю. Проснусь иногда среди ночи и думаю: в яви это все или во сне. В общем, пожалела она меня, паря, но гадом буду, а все сделаю, чтоб и полюбила тоже...

Рано утром Андрей проводил гостей до автобусной остановки. Автобус подошел на удивление быстро, Женя села у самого окна, и Андрей, пока входили и рассаживались остальные пассажиры, смотрел на нее, молодую, светловолосую, деревенскую. Она улыбнулась ему, но в глазах ее была грусть. В глазах он прочел прощание и... прощание. Он смотрел в ее большие карие глаза до тех пор, пока автобус не тронулся и не скрылся за поворотом.

* * *

Теперь, пятидесятилетним человеком, сидя в темной кухне старого дома, где давно уже не было лада, ему до обидного простой показалась мысль: тогда, в тот миг, когда автобус с Женей свернул за угол дома, и закончилась его радость, его душевный свет.

«Как мне трудно, как тяжело жить, — горько подумал Андрей Сергеевич. Этот разлад в семье, эти вечные ссоры и недомолвки. Жизнь почти прошла, во всяком случае ушли лучшие годы, а что он? Кто он? Мужик с жезлом, выполняющий женскую работу в пыльном грязном городе. Отец с матерью тоже были простыми людьми, но они жили на родной земле, которая платила им теплом, давала уверенность в трудную минуту. Говорят, все побеждает любовь. А где она, его любовь? Нет ее и наверное уже не будет никогда. А может, настоящая любовь осталась там, с Женей? Жил бы с ней — жила бы и любовь, и счастье было бы и смысл жизни...»

Ему вдруг страшно захотелось туда, в родную деревню, увидеть знакомые дома, березовую рощу за околицей, увидеть Женю — пусть чужую жену, пусть постаревшую, но увидеть!

Желание было таким сильным, что у Андрея Сергеевича заболела голова. Но в следующее мгновение пришло решение, и он думал только о нем. Да, надо поехать в деревню. Сегодня. Сейчас. Андрей Сергеевич взглянул на часы, которые освещались светом с улицы. Было без пяти пять. Через тридцать минут пойдет первая электричка, на которой можно за три часа доехать до райцентра, а там полтора часа на автобусе и — дома.

Дома! Он подумал об этом легко и радостно, хотя толком не знал, стоит ли еще отцовская хата и по-прежнему ли живет в ней двоюродная сестра, почтальонка Вера, так и не вышедшая замуж в свои сорок пять лет. Впрочем, какие там сорок пять, ей давно уже за пятьдесят...

Андрей Сергеевич включил на кухне свет, осторожно оделся в слегка освещенной прихожей, крадучись, словно воровал, собрал необходимые вещи в потертый черный портфель и вышел из дома.

* * *

Поезд покачивало, за окном висел серый туман, и под стук колес Андрей Сергеевич задремал. Может быть, от того, что была осень и запах свежеспаханной земли и сушеного сена проникал в полуоткрытые окна электрички, ему приснилось детство.

...Они с отцом гонят табун из ночного. Отец едет на остромордой подвижной кобыле Чернавке, а Андрей — на медлительном мерине Марате. Ночь уже отошла, ослабла, но лик луны и бисер звезд все еще висели на светлеющем небосводе.

Отец запрокидывает непричесанную кудлатую голову и говорит:

— Видишь, сколько звездочек? У каждого своя есть. И у тебя тоже.

— А где же она, это которая? — удивляется Андрюшка и тоже всматривается в небо.

— А ты сам определи, — улыбается отец, — моя вон там, слева, за Большой Медведицей...

Андрюшка поворачивает голову в ту сторону, куда указывает отец. На него падают звезды. Они стремительно приближаются, за-

ливая своим светом и табун медлительных лошадей, и придорожные кусты, и ромашковый луг на берегу пруда.

* * *

...Андрей Сергеевич пугается во сне тем давним детским испугом и просыпается. Стучали колеса поезда. Рядом, на соседнем сиденье, плакал ребенок, и молодая, похожая на цыганку мать, убаюкивала его старой как мир песней:

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
А то серый волк придет
И Алешку унесет...

Правду говорят, что все начинается с детства. И душевные страдания тоже. Раньше реже, а теперь все чаще и чаще не то что болит, а как бы ноет в предчувствии чего-то, тоскует сердце. Странно, но Андрей Сергеевич помнил, когда это началось.

Он помнит холодный январский вечер. В хате темно. Лишь уголья в печке щелкают и время от времени выпрыгивают в поддувало, словно маленькие светлячки, отбрасывая пляшущие тени на сером, кое-где потрескавшемся земляном полу.

Андрюшке только что исполнилось шесть лет. Днем был гость — дядя Костя. Они с отцом выпили за Андрюшкин день рожденья и за старый новый год бутылку самогона. Мать тоже смочила губы «красенькой» — тем же самогоном, разбавленным вишневым вареньем. Еще утром она подарила сыну кулек конфет-подушечек и белые шерстяные носки, которые вечерами вязала, сидя на дубовой скамье под образами.

Когда за окном стало темнеть, мать с отцом пошли провожать домой подвыпившего и оттого всегда бестолкового и навязчивого дядю Костю. Керосиновую висячую лампу родители зажечь забыли, и Андрюшка сидит на табуретке у печки в темноте, поджав под себя ноги в новых носках и старых бабкиных галошах. Бабка Груша ушла на посиделки к соседям. У всех свой мир. Только нет никакого мира у него, думает мальчик.

За окном завывает злой ветер, пурга бросает пригоршни снега в узкое, словно бойница, окно саманной хаты, и, пока он вслушивается-

ся в это буйство природы, Андрюшке вдруг приходит в голову, что сегодня ему шесть лет. И что больше шесть лет ему уже не будет. Будет семь, восемь, пятьдесят, может сто, но шесть — никогда! И еще его вдруг осеняет мысль, что когда-нибудь он умрет. Ведь все умирают...

Для мальчика — это открытие. Сердце его сжимает то ли обида, то ли тоска, которую он никогда не испытывал прежде, и несколько слезинок скатываются по его лицу и падают на ворот ситцевой рубашки. Может, именно так человек впервые ощущает бег времени и свою малость в огромном мире...

* * *

И все же там, в детстве, он хотел бы остаться навсегда, остаться с той надеждой и верой в радость, которой тогда представлялась вся жизнь. Ему помнится утро следующего дня с запахом натопленной печи, горячих блинов и яркого солнечного света, всю брызжущего из окон-бойниц сквозь мастерски расписанные морозом серебристые снежные узоры.

В последнее время Андрей Сергеевич жалеет, что он не верующий. Раньше, как и большинство людей, он жил с надеждой на светлое будущее. Позже, когда все закачалось и рухнуло и он окончательно понял, что шел не туда и верил совсем не тому, стал жить ради семьи. Но случился долгий разлад с Галиной — его замучила ее неоправданная ревность, мелочные упреки, мещанские замашки, — и он махнул рукой и на это и думал только о подрастающем Кольке. Теперь и сыну он, похоже, не нужен.

Еще совсем недавно, лет пять-шесть назад, выходя с жезлом на перрон вокзала встречать и провожать очередной пассажирский поезд, Андрей Сергеевич видел в окнах вагонов много улыбок, светлых лиц, слышал звонкий смех детей и женщин, шутки мужчин. Теперь, в середине девяностых, такое в редкость. С каждым днем все больше хмурых, неприветливых лиц, истощенных нервозностью, а то и откровенным озлоблением. Нынешние пассажиры садятся и выходят молча, как бы не видя никого рядом.

Да, Андрей Сергеевич жалеет, что он не верит в Бога. Только в церкви, видимо, можно облегчить и успокоить душу от всего, что

видишь в течение дня. В том, что душа пуста к религии, виноваты прежде всего мать с отцом. Так воспитали. Мать, хоть и кроткая норовом и, как полагается, в престольные праздники крестилась на образа, в церкви за всю свою жизнь была считанные разы — может, потому, что ехать надо было аж в город. Отец по натуре неласковый, отъявленный матершинник, вспоминал Бога совсем по-другому поводу...

Отец умер через восемь лет после матери в одиночестве холодным декабрьским утром. Андрей Сергеевич опоздал на похороны и увидел отца уже в гробу, который стоял в только что восстановленной деревенской церкви. Шла обычная в таких случаях служба: курился ладан, слышался низкий голос священника. Из-за спин старушек в черных платках Андрей Сергеевич смотрел в гроб. Под покрывалом угадывались знакомые кривые ноги отца, и сын вспомнил, как прошлым летом, косолапя, отец шел впереди него к этой строящейся тогда церкви. Он повел Андрея после посещения могилы матери, которая находилась неподалеку. Почему повел? Ведь был по сути дела неверующим. Может быть, отец стал задумываться о сути жизни и смерти, или это было предчувствие? В последние годы отец был скрытным, неразговорчивым, и ответы на эти вопросы уже никогда не получить. Как и на многие другие. Нет-нет, да и резанет по сердцу Андрея горькая мысль: и об этом, и о том, и о пятом-десятом не успел поговорить с матерью и отцом...

* * *

В райцентр он приехал, когда солнце уже всюю по-летнему резвилось над покатыми крышами одноэтажных домов, растянутых вдоль железной дороги, над старым кирпичным вокзалом, порыжелой водонапорной башней, приземистым продуктовым магазином с вечно разбитыми стеклами — картиной, до мелочей с детства знакомой Андрею. И казалось ему, даже старушки, торгующие на перроне яблоками, были все те же, что и двадцать лет назад.

Автобусная станция находилась неподалеку от железнодорожного вокзала, и, прождав часа полтора, Андрей на скрипучем, с поцарапанными креслами автобуса поехал в свою деревню.

Ему показалось на миг, что время как бы крутанулось назад. И автобус был как в прошлые времена, и дорога все та же — то канава, то яма, и люди, сидящие рядом, казались ему пришельцами из прошлой жизни. Здесь была и старушка с узлами, и дебая баба со спящим ребенком на полных руках, и подвыпивший мужик в замызганной и кое-где порванной телогрейке. Осталось только Андрею Сергеевичу превратиться в десятилетнего пацана...

За окном автобуса мелькали знакомые очертания полей, лесополос, а он подумал: «Вот я еду. Зачем? Кто меня ждет?» И показалось вдруг до дикости странным, что никогда прежде в прожитой жизни он не жалел, не осознавал уходящего, утекающего, словно песок сквозь пальцы, времени.

* * *

Родная деревня возникла на горизонте внезапно словно вынырнула из-за облаков, из-за березовой рощи, в которой они с Лехой чуть ли не жили. Вон где-то там стоял их шалаш из свежих березовых веток, а в чаще должен был стоять домик лесника — деда Валюхи.

Дед Валюха был дальним родственником матери, и однажды, кажется, на второй год после женитьбы, Андрей и Галина, гуляя по роще, зашли к нему в гости. Дед угостил их грибами и настойкой из дикой малины. Долго, до самых сумерек, рассказывал о житебытье в прежние годы, о войне и о том, как доблестно в этих лесах сражались с немцами партизаны, среди которых не последним воякой был и он, дед Валюха.

Андрей и Галина остались у него ночевать. Дед постелил молодым в деревянной горнице, пахнущей сосновой стружкой и мятой, а сам ушел на сеновал.

В низкое оконце заглядывали звезды, рядом была теплая и ласковая молодая жена. Хотелось любить весь мир. Они встали, наспех оделись и ушли бродить между берез по сумеречному, но уже слегка белесому предрассветному лесу. Откуда-то из-за верхушек деревьев сверкнула молния, и мелкий дождь зачастил по листьям, по траве, по их вскинутым к небу лицам. Мокрые и усталые, они вернулись в избушку и вновь упали на жестковатый настил, пахнущий сеном и мятой...

Дед Валюха разбудил их только днем. За окном было пасмурно, над рощей плыл туман. Где-то в вышине кричали улетающие к югу журавли. Тогда они были счастливы с Галиной. Почему все ушло? Куда ушло? Ведь был же момент счастья, был!

Дед Валюха мастерски делал из дерева и жести умывальники. Раз в месяц он продавал их на рынке возле сельмага. Умывальники были классные. Да и на радость дешевые. Односельчане и жители соседних деревень брали их охотно, чуть ли не в каждом доме стояли дедовы умывальники. Когда дед Валюха умер, все искренне горевали и жалели его.

* * *

Андрей Сергеевич попросил водителя автобуса притормозить километра за три до деревни.

...Он вошел в рощу, и она показалась ему чужой. Долго не мог найти ни одной знакомой тропинки, хотя уже минут двадцать шел в глубь леса. Андрей Сергеевич подумал было, что заблудился, но вдруг деревья расступились и возникла поляна, на которой по-прежнему стоял домик деда Валюхи. Он ощутимо врос в землю, и прогнувшая во многих местах жестяная крыша почти касалась буйно разросшихся кустов терна и дикой малины.

Андрей Сергеевич хотел приоткрыть покосившуюся незапертую дверь, но мешали те же кусты. Тогда он, раздвигая их упрямые макушки, пролез к окну и заглянул внутрь хаты.

Ему показалось, что он видит сон. Все тот же высокий деревянный настил, на котором они спали с Галиной, стоял у стены рядом с дубовым столом, и даже часы с нарисованными кошачьими глазами были те же — они неподвижно висели на стене, окутанные паутиной...

Леху он встретил до обыденного просто. Только вышел из лесу, увидел в поле группу людей, толпящихся у гусеничного трактора с плугом.

— Ну надо же, — разводил руками коренастый человек в кожаном пальто и кожаной кепке, явно начальник, — и как тебя, Спиридонич, угораздило лемех-то отодрать! Ведь знаешь, что нету запасного. Ну да ладно, давайте приваривать.

Задубасил мотор, засверкала электросварка, и человек в каждом снял кепку и ладонью вытер пот со лба. Андрей Сергеевич узнал в нем Леху. Рыжих волос на его крупной голове почти не осталось. Леха был лыс, но по-прежнему подвижен, хотя его полноватая фигура, казалось, к этому не располагала.

— Алексей, — позвал Андрей Сергеевич с кромки поля.

Лысоватый крепыш обернулся, внимательно посмотрел на того, кто его окликнул, и решительным шагом пошел навстречу.

— Здорово, Андрей! С приездом, — без особых эмоций, словно только и ждал появления своего приятеля детства, сказал Леха, протягивая небольшую, плотную ладонь.

— Воюешь тут? — так же отвлеченно, стараясь не выдать волнения, спросил Андрей Сергеевич, — никак бригадирствуешь? Слышал-слышал...

— Бери выше — председательствую, — усмехнулся Алексей, — да только радости от того мало. Деревня нынче в развале. Вон зябь пахать не на чем. Мы-то еще кое-как выходим из положения, а другие уж и землю побросали.

— Да, трудно живем, — согласился Андрей Сергеевич.

— Скорее — безголово, — с усмешкой отозвался Леха.

Они подошли к трактору. Сварщик уже завершил свою работу и складывал инструменты.

— Ну что, Алексей Иванович, я поехал? — крикнул из кабины тракторист.

— погоди, Спиридоныч, вылезь на минутку, — попросил председатель колхоза.

Пока пожилой, незнакомый Андрею мужик тяжело спускался из кабины, Алексей сказал:

— Ну что, попробуешь? Иль позабыл все?

Андрей Сергеевич поставил на стерню портфель и, сняв плащ, набросил его сверху. В кабине он почувствовал, как слегка дрожат ноги и руки. «Неужто не смогу завести и проехать?» — со страхом подумал он.

Но когда взревел мотор мощного ДТ-75, страх прошел и Андрей довольно уверенно тронулся с места. Ровная черная полоса свежевспаханной земли потянулась за трактором.

Председатель шел рядом, глубоко засунув руки в карманы пальто. Но когда Андрей всерьез поднажал и направил трактор по кругу, отстал. Он стоял и смотрел, пока трактор не вернулся с дальнего конца поля.

* * *

Глубоким вечером, наездившись по бригадам на стареньком, но еще крепком «уазике», они подкатили к кирпичному дому с зелеными ставнями. Алексей заглушил мотор и вылез из-за руля.

— Ну что, паря, пойдем вечерять.

— Так я хотел поначалу в отцовской хате побывать, — Андрей замялся. — Да и удобно ли беспокоить твоих?

— Удобно, удобно, — сказал Алексей и, похлопав приятеля по спине, повел в дом. — Тем более, что Веруня, сестра твоя двоюродная, замуж вышла. Ай не знал? Вот тебе и раз — родственники называются...

В прихожей, пока раздевались и разувались, хозяин успел рассказать, как Веруня решила на такой «подвиг». Из Средней Азии в деревню приехал беженец — плотник Митя, тихий, словно пришибленный, но работающий и, как это ни странно, непьющий. Мите было немало лет, но жил он бобылем, так как в Таджикистане в результате бандитского налета потерял жену. Дочь давно жила своей семьей в Коломне, но к ней Митя не поехал, постеснялся беспокоить, а двинул на родину, в деревню, из которой его увезли семилетним пацаном. Митю определили на постой к Веруне. Уж как он смог подобрать ключи к ее сердцу — один Бог знает, но три месяца назад они расписались и теперь живут все там же, в старом доме Путилиных, где родился и вырос Андрей Сергеевич.

* * *

Зашли в дом. Их встретила остроносая и, как поначалу показалось гостю, совсем не похожая на Женю невысокая девушка с длинной светлой косой за спиной. Но вот глаза — точно материнские!

— Знакомьтесь, это Лена, а это друг детства, Андрей Сергеевич, — представил их Алексей Иванович.

— Очень приятно, — напевно сказала девушка чуть наклонив голову, и гость еще раз убедился: нет, многое у неё от матери.

— Ну что же, дочь, покорми двух старых и мудрых к тому же усталых мужчин, — с улыбкой сказал хозяин дома, потирая руки и проходя в гостиную.

Вымыв руки в ванной, они прошли в большую комнату и уселись на широкий кожаный диван, чем-то неуловимо похожий на хозяина дома. Алексей нажал кнопку дистанционного управления, и засветился экран японского телевизора, зазвучала музыка.

— А где Женя? — спросил Андрей Сергеевич.

— А давай, пока ждем Лену с ужином, по маленькой тяпнем? — словно не слыша вопроса, предложил Алексей.

Он открыл бар в красивой импортной стенке, достал бутылку армянского коньяка и, ловко ее откупорив, налил в стоящие на столе, словно специально приготовленные, пузатые хрустальные бокалы.

— За что выпьем? — вопрос Андрея, такой обычный в другом случае, как бы завис в воздухе. Случай все же был необычный. Андрей уже лет десять, после смерти отца, не приезжал в родную деревню, и то, что когда-нибудь им вдвоем доведется выпивать в этом доме, никто из них, видимо, и представить не мог.

— А давай выпьем за память, — сказал Алексей. — Ведь как жизнь ни бежит, как ни ломает нас, а все хорошее остается в памяти. Детство наше, например. А? Как считаешь?

— Давай, — решительно согласился Андрей. — За память.

Они чокнулись и выпили.

* * *

— Так где же Евгения, — опять заговорил Андрей, — неужто на работе до сих пор задерживается?

Алексей обошел круглый полированный стол, стоящий посреди комнаты, и сел на стул напротив гостя.

— Дело в том, Андрей, что нет Жени. Умерла она. Заболела и умерла. Послезавтра полгода будет, как это произошло, — тихо и, как показалось гостю, с какой-то злой усмешкой заговорил Алексей. — Ничего нельзя было сделать...

Он плеснул себе в рюмку, потом — Андрею и, поднявшись со стула, хрипло сказал:

— Помянем.

Андрей Сергеевич опрокинул в рот коньяк, но ему показалось, что он выпил воду. Он вновь опустился на диван, забыв поставить рюмку на стол и, вертя ее в руках, не знал, о чем теперь говорить с Алексеем. Сердце билось так, как будто он долго бежал и вдруг остановился...

— Жить сначала не хотел, — между тем тихим и внезапно осипшим голосом говорил Алексей. — Ведь все, что в жизни делал, — все для нее, все доказывал, что не зря она меня выбрала. Как умерла, думал все, вслед за ней собирался — тебе первому признаюсь. Но жить надо: и Ленка с Васькой еще как следует на ноги не встали, да и люди что скажут! Ведь столько лет шли за мной, верили, надеялись. Не захотел предавать их, особенно в нынешнее время...

— А ты знаешь, — помолчав, продолжал говорить Алексей, — после того, как ушла Женька, перестал я бояться смерти. Видимо, когда исчезает из жизни самое важное, самое главное, что тебя держит на белом свете, то наступает состояние то ли безразличия, то ли безграничной свободы. Вот и живу сейчас — весь такой свободный...

Он закрыл лицо руками.

— Я не знал, ничего не знал, — торопливо заговорил Андрей Сергеевич.

— И потому приехал... к Женьке, — закончил фразу за гостя Алексей Иванович. — Значит, и впрямь не чужой она для тебя была. Но — опоздал ты. Впрочем, я тебе ее покажу. Пойдем.

Андрей Сергеевич машинально поднялся и пошел из комнаты следом за хозяином. Он не успел подумать, как это тот «покажет» умершую полгода назад жену, скорее вообще не понял смысла сказанного, когда они пришли к большому деревянному сараю под шиферной крышей.

Алексей толкнул тяжелую, обитую железом дверь, и они вошли.

* * *

В помещении было темно, лишь из высокого окна брезжил лунный свет. Алексей щелкнул выключателем, и Андрей сразу увидел Женьку.

Она стояла в углу сарая, скрестив руки на груди и прямо перед собой смотрела гранитными глазами. Скульптор поработал добро-

совестно — подметил и характерный жест со скрещением рук, и знакомый завиток волос, всегда выбивавшийся из-под платка.

— Что это, зачем ты держишь ее здесь? — оторопело спросил Андрей. — На могилу же надо...

— Там уже стоит почти такая же, специалисты говорят, даже лучше, — Алексей Иванович тоже подошел к скульптуре. — Заказал сразу в двух мастерских — так получилось. Вот эту — у вас в городе. Думал, какую лучше и быстрее сделают, ту и поставлю на кладбище. Ну вот, а сработали почти в один день сразу обе. Поставил одну на могилке, а другую куда было девать, не выбрасывать же?

Он сел на деревянный, сбитый, видимо, своими руками табурет и, опустив голову, вдруг громко, по-бабьи, зарыдал.

— Ты извини, — сказал он через минуту, вставая с табурета и вытирая глаза ладонью, — видимо, выпил без закуски, а может твой внезапный приезд на меня подействовал: все же память о прошлой жизни привез, а значит, и о Женьке — тоже. А в общем я уже оклемаюсь. Работа выручает, дети скучать не дают. Правда, когда совсем тяжело становится, — иду сюда, к ней. Вспомню нашу жизнь, погляжу в глаза ее бронзовые, иногда поплачу, и легче на душе становится. Будто и впрямь слышит она меня. И тревоги мои и беды как при жизни на себя берет...

Он вдруг встрепенулся, подошел к Андрею и положил руку ему на плечо:

— Ну да ладно, пойдем, гость дорогой, в хату, Ленка небось заждалась. Совсем я тебя запечалил...

* * *

Они вышли на широкий двор, освещенный электрической лампочкой, прикрепленной к столбу. Оба остановились и посмотрели в ночное небо.

Казалось, прямо над их головами висел бледноватый диск луны. Не по-осеннему легкий, чуть теплый ветерок равнодушно перелистывал еще крепкие желтые листья растущей возле забора рябины.

И вдруг в этот момент Андрей вспомнил, где он раньше слышал слова песни, которую прошлой ночью за окном его городского дома пела какая-то женщина:

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилися
На ступеньках крыльца...

Да, он вспомнил. Эту песню пела молодая мать, сидя вечерами под керосиновой лампой и стремительно работая блестящими спицами. Мать пела хорошо — высоким несильным голосом, берущим за душу. Маленький Андрюшка в такие минуты затихал и вслушивался. Мать пела и другие песни, но запомнилась почему-то эта. Может, потому, что три года ждала с войны отца. А может, что другое было связано у нее с этой песней...

Однажды, сидя на печке, Андрюшка услышал, как мать тихо заплакала. Он соскочил на земляной пол и бросился к ней. Обхватив материнские колени, тоже заплакал: «Мама, мамочка, не надо, не надо!» Две теплые слезинки упали ему на стриженный затылок, но мать тут же подняла сына на руки, посадила на колени и прижала к теплой груди. «Ничего, ничего, сыночек, — говорила мать, целуя его в макушку, — все хорошо. Просто взгрустнулось что-то, родной мой...»

Почему тосковала мать? Что не сбылось в ее жизни, о чем и о ком она жалела? Что было в ее жизни до того, как она встретила отца, с которым в верности прожила всю свою жизнь?

* * *

Была обычная деревенская ночь бабьего лета с чистым звездным небом, непривычной для городского жителя тишиной, запахами поздних трав и близкого леса.

Андрей Сергеевич поискал глазами ту звезду, которая явилась ему сегодня ранним утром в окне городской квартиры и, обнаружив ее, обрадовался. Значит, звезда теперь всегда будет с ним. И ему опять, как и несколько часов назад, показалось, что кто-то далекий подумал о нем, Андрее, с нежностью и теплотой. Может быть, это подавала сигналы душа матери, единственного на земле человека, который по-настоящему любил его в этой жизни.

Звезда продолжала светить спокойно, будто подбадривая, медленно переливаясь разноцветьем радуги далекого космоса.

Новые стихи

Несколько слов родным в день рождения

В январе пришёл
я в этот свет.
К окнам липли
снежные морашки.
Пожелав мне много-много лет,
покрестили бабушки-монашки.

Лет прошло немало. И теперь
можно подводить уже итоги.
...Беды мои шуганули в дверь,
отбивая о пороги ноги.

И родилось счастье в той избе!
Только я не знал, друзья, об этом.
И, шагая по своей судьбе,
чаще вьюги слышал,
даже летом...

Милые любимые мои!
Не судите меня слишком строго.
Были в моей жизни соловьи,
майские весёлые дороги...

Было всё.
Что мне теперь сказать?
Или лучше помолиться Богу?

Хочется опять безгрешным стать,
собираясь в дальнюю дорогу.

Счастье есть у этого стиха!
Хоть и беды в дверь
стучались снова,
но, наверно, уровень греха
не позволил им сорвать засова...

Я прошу прощения у всех,
кто меня на белом свете знает.
Я грешил.
И пусть весь этот грех
лишь со мной
в сырой земле растает.

Милые, любимые друзья!
Я склоняю голову седую
перед каждым, без кого нельзя
повиниться, прежде, чем уйду я...

14.01.2018 г.

Памяти Сергея Иваненко

Мы уходим
    в глубину веков,
Словно погружаясь
    в бездну моря.
Мы уходим
    от судьбы оков,
От любви, от радости
    и горя...
Мы уходим.
Нам не хватит сил
Задержаться, посидеть
    немного,
Поглядеть на тех,
    кто сердцу мил,
Кто проводит нас
    с тобой в дорогу...

За помин души...

Четыре свечи
стояли в ночи.
Гляжу на них –
до озноба...

Четыре родные
мои свечи,
родные теперь
до гроба!

* * *

«Тётя Шура – почтальонка,
в доме вашем есть
                                девчонка –
дочка милая, смешная.
Лучше всех –
Я это знаю!»
...Этих слов
Я не сказал.
И стихов
Не написал.
Не решился.
Не посмел.
...Лишь потом я
                        пожалел.

Разговор с молодгвардейцем

Прости нас, Уля,
и прости, Олег,
прости, Тюленин –
паренёк из стали,
за то, что падает
сегодня снег
на Родину,
что потеряли...
Простите за потоки
                    клеветы,
что льют на вас
ученые иуды...
За то, что вместо
мирной красоты
– горит Донбасс
и снова гибнут
                    люди!
...Мне снится,
как среди ночи
встаёт Тюленин
над дорогой мгливой.
– Серёжа, мальчик,
только не кричи,
увидев всё,
что сделали фашисты!
И тень твою
они готовы сжечь.
Ты – страшный враг
бандитов на дороге...
– Неужто нам
пришлось напрасно лечь,

и Гитлер победил
в итоге?
За что ж мы
умирали в глубине,
задушенные в шахтах
Краснодона?
Мы верили
своей стране
до самого последнего
патрона...
– Прости, Сергей!
Пришла беда
для всех.
Предательство вселилось
в наши хаты.
Фамилии известны –
тех и тех,
но мы и сами
очень виноваты,
поверив словно истине
врагу –
болтливому посланцу
преисподней.
И где-то там,
на дальнем берегу
забыли верность
и слова Господни!
...А в это время
уж рассвет вставал.
Сергей Тюленин
в небе растворился.
Проснулся я.
Я спал или не спал?
Иль ангел,
мне, безбожнику,
явился?

«Реквием» Верди

А дирижёр был молод
и красив.
И музыка стремительно
взлетала
и падала...
Но вновь звучал мотив
с небес господних
в образе металла...
И «Реквием» всё больше
заполнял
огромный зал
и души наши
тесно.
И каждый в зале
тоже вдруг взлетал
к тем небесам
божественным чудесно!

Памяти Высоцкого

По-над лесом
птиц весёлых стая
лихо взнамерилась
кружить.

Друг мой,
на пороге мая
мы судачим,
как нам дальше
жить...

Расскажи мне
что-нибудь такое,
чтобы сердце
вспомнило года,
когда жили
мы с тобой в покое
и горела юности
звезда.

Чтобы сердце
вспомнило надежду,
что дарил
магнитофон «Маяк»,
что была всего
важнее прежде,
а потом поблекла,
как пятак...

Зори словно кони
вдаль уходят.

Словно бы спешат
на водопой.

«Всё – не так...», –
когда-то пел Володя –
раньше грешник,
а теперь святой.

Материнская медаль

Мама, ты в Ростове
не была.
И про город этот
не слыхала.
Ты всю жизнь
в деревне прожила,
лишь в Елец старинный
выезжала.
Там в соборе гулком,
над рекой,
под молитвы ладан ты
вдыхала,
и болезнью скованной
рукой
медленно крестилась
и вздыхала,
вспоминая умершую мать,
брата, что фашист
огнём отметил...
Вспоминала, как смогла
ты стать
лучшей звеньевой
в сорок третьем.
Нет, не одевала
ты медаль,
что за труд
тебе, девчонке,
дали.

Твоя радость – солнечная
даль,

Твоя радость – дети
                                без печали!
Та медаль игрушкой мне
                                была.
Потерял её я где-то в
                                кочках.
Ты грустить, конечно,
                                не могла,
лишь слезинки вытерла
                                сыночку.
...Так при чём же, мама,
                                здесь Ростов?
День Победы, и над нами – лики.
Я живу здесь, человек
                                простой,
Потому иду
в «Полку...» великом!
Твой портрет
над городом плывёт
рядом с флагом,
что под ветром
                                бьётся.
Полк героев.
Он везде пройдёт.
Потому бессмертным
                                и зовётся!

Молитва

Господи, прости!
Молю!
За открытость
и за лживость.
За уныние и живость.
За удачу, что ловлю.
Господи,
прости за страх.
И за смелость
в общем – тоже.
И за тех,
кто всех дороже,
кто со мной
в тяжёлых снах.
Виноват, что не сумел
поклониться им
при жизни.
Торопился вплоть
до тризны...
И остался не у дел.
Господи,
меня прости!
За всё то,
что сделал плохо.
Что Любовь в душе
заглохла,
Не успев и расцвести.
И живу теперь: всегда –
странный,
старый,
одинокий...

Правда, ночью
возле окон
ходит белая звезда.
Будто всё на свете
                    знает,
и, конечно, - про меня.
И хотя и без огня,
но душа моя пылает!
Колокольчики звенят
в бренном мире,
словно раньше.
И грешу тихонько дальше...
Господи, прости меня!

Болит душа...

(от автора)

Недавно в мой кабинет главного редактора заводской газеты зашла осанистая, в годах женщина. И – с порога:

– Пришла попрощаться со своим любимым писателем!

Я невольно сжался в кресле. Никого кроме меня в кабинете не было.

– Ой, простите, – женщина засмеялась светлой почти детской улыбкой, – какую-то глупость говорю – «попрощаться»... Здоровья вам целую гору на долгие годы желаю. Просто это я уйду с завода на пенсию, а когда работала, то на каждой вашей творческой встрече присутствовала. У меня все ваши книги с автографами дома есть...

Поблагодарив гостью за добрые слова в свой адрес, тут же подарил ей новый сборник прозы, которого у неё не могло быть. Когда за ней захлопнулась дверь, облегчённо вздохнул, и с теплотой на сердце подумал, что у меня есть свой читатель. Он немногочислен, учитывая мизерные тиражи моих книжек, которые я никогда не продавал, а лишь дарил близким и знакомым, да на встречах с читателями в заводской библиотеке, или на малой родине – в Липецкой области в Долгоруковском лицее, где когда-то учился.

Одним словом, меня и читают и печатают в журналах, антологиях. Но сегодня хотел бы поделиться не очень радостными размышлениями.

Дорогой читатель! Возможно сборник, который ты держишь в руках, последний в моём творчестве. Хотя у нас в авиастроении, как и в авиации, говорят «крайний».

Нет, может оказаться именно последним. И не потому, что я собираюсь в ближайшее время отдать Богу душу... Я и эту-то не хотел издавать. Выпал случай – решил.

Иногда спрашиваю себя: стоит ли тратить немалые силы на создание литературных образов?

И не писал бы, и не тратил, да вот душа подводит – словно кто толкает изнутри: берись за перо. И не поспоришь – звенят в эти ми-

нуты колокольчики в сердце, которые впервые подали голос ещё в далёкой юности...

Суть этого письма в том, что сегодня в начале 21 века такое ощущение, что настоящей литературы в России нет. Никто в стране не занимается отбором лучших книг прозы и поэзии. Все конкурсы – междусобойчики. Даже некогда уважаемая мной «Литературная газета» иногда превращается чуть ли не в ярмарку графоманов, а лауреаты премии имени Антона Дельвига известны организаторам задолго до подведения итогов творческого конкурса.

Главное – нет государственной заинтересованности в воссоздании единого настоящего писательского сообщества. Вы хоть раз слышали разговор о роли писателей России в репортажах с заседаний Государственной Думы или Совета Федерации?

Словосочетание «современный русский писатель» или хотя бы слово «литератор» не озвучил пока ни один кандидат в Президенты страны.

Как не относиться к И.В. Сталину, но известно, что в середине тридцатых годов на квартире А.М. Горького он сказал, что писатели – важнее танков и пушек. Потому что танки и пушки только тогда пригодятся на защите государства, когда за прицелами этой грозной техники будут находиться солдаты, воспитанные писателями, как патриоты своей Родины. Так и было в годы Великой Отечественной войны! Сурков, Симонов, Эренбург, Полевой – стихи и проза этих и других писателей и вели в бой солдат и командиров под Москвой и Сталинградом, под Курском и Будапештом...

Жди меня
и я вернусь.
Только очень

жди...

Сегодня в обиходе, в периодической печати нет хорошего художественного слова, совсем исчезла из нашей культурной среды тема писателей-почвенников – настоящих патриотов России. Таких стараются отодвинуть на второй, а то и на третий, пятый план. За примерами далеко не ходить. Кроме как на малой родине, в Иркутске, мало известен замечательный поэт Анатолий Кобенков, к сожалению, недавно ушедший из жизни совсем не в старом возрасте. У нас

на Дону в хуторе Можаявка Тарасовского района в нескольких километрах от Украины живёт выдающаяся поэтесса Виктория Можаяева.

Где их книги? У Виктории есть несколько сборников тиражом 200–300 экземпляров. И – всё! А разве можно замалчивать такие стихи:

Мы отпразднуем
Когда-то День Победы.
Водки выпьем
и картошки напечём.
И давнишние и нынешние беды
вдруг окажутся, как будто нипочём.
Мы отпразднуем
великий и родимый...
и в небесной беспредельной вышине
улыбнётся молодой и невредимый
дед мой, без вести пропавший
на войне.
И ребята, что погибли на Донбассе,
С нами будут праздновать тогда...
А пока что этот день у нас
в запасе.

До рассвета.
До Победы.
До Суда.

Нет хороших литературных критиков (без них писатель – ничто), почти нет по-настоящему профессиональных журналов... Многочисленные Союзы писателей влачат жалкое существование. Нет того, этого, пятого, десятого...

Скажем, на мой рассказ «Очень короткий роман» доктор философских наук, член Союза писателей только и смогла съязвить: «Калька» с рассказа И. Бунина «Солнечный удар». Не впечатляет».

Ладно, пусть не впечатляет, но причём здесь Иван Алексеевич Бунин? Спасибо, конечно, что поставили рядом с великим именем мою скромную фамилию, но ради чего это сравнение? Фабула иная, да и живёт мой герой совсем в другое время, когда изменились, к сожалению, многие понятия о настоящих страстях, чести и честности.

Выходит, это торопливое сравнение сделано ради демонстрации личной эрудиции?

Одним словом, создаётся впечатление, что сегодня никому не нужно, что пишется всерьёз и талантливо. Все шире становится окололитературный мир, отрицательно влияющий на развитие самой литературы. В центр внимания выходят откровенные русофобы типа Л. Улицкой, Д. Быкова и других.

Помню, как однажды вечером в кафе на улице Пушкинской пришлось сидеть рядом с одним гостем-литератором из Краснодара. Я тогда чуть не разбил лицо этому деятелю, который хамски, поженски с придыханием рассказывал гадости про Виктора Лихоносова, одного из лучших писателей России.

Таких, как Виктор Иванович, всё меньше и меньше. Их даже иногда отмечают различными дипломами, до небес возвышая дух благородства и вскоре забывая о них на долгие годы, до траурной рамки на последней полосе газеты.

Литература в нашей традиции – базовый вид искусства. А если этой базы нет или есть лжебаза? Тогда и появляются эпатаж, экстраординарность, «оригинальное» прочтение истории. Всё это именуется современной литературой. Авторам дают кучу премий, сюжеты победителей экранизируют, тащат на сцену. Потому и сваливается на зрителей такой ужас, что даже прекрасные актёры, которых у нас всегда хватало, не могут «вытянуть» спектакль или фильм, а лишь «сраму имут»...

К примеру, царствуют у нас режиссёры, кому национальные интересы «до лампочки»: Кирилл Серебренников, Василий Бархатов, выводки гнезда когда-то великого актёра Олега Табакова... Они и без В. Распутина, и без В. Белова обходятся. А «бедных» классиков А. Чехова, М. Горького, Л. Толстого так на сцене переиначивают, что те, наверное, в гробу переворачиваются...

Зачем тогда писать? Зачем публиковать в малотиражной книге всё, что наболело, отчего ноет сердце?

Близкие мне люди говорят: «Не пиши. Всё уже написано до тебя», намекая на классиков русской литературы 19 века.

Да согласен я! Всё, что надо написано, но процесс создания новой литературы всё равно не остановится. А пока словно огромный

диск жёлто-яркого солнца встал над миром доллар в виде блестящего металла, ослепившего многих на фоне зеленоватого цвета тех же долларовых купюр... А на этом фоне, за этим сиянием, от которого до боли режет глаза, всё увереннее и наглее проглядывают пошлость, графоманство, искажение истории великой нашей Родины.

«Ой, день – день – день, деньги, денежки// Слаще пряника, милее девушки...», – пел когда-то в яркой водевильной комедии «Свадьба гусара» великий актёр Андрей Попов. Шутил. Сегодня не до шуток! У меня растут пятеро внуков. Что они будут читать, слушать, смотреть?

И всё же, сдавая в печать рукопись этой книги, надеюсь, что мне перед ними будет не очень стыдно...

Анатолий Рощупкин.
Февраль, 2018 г.

Содержание

РАССКАЗЫ

Очень короткий роман	3
Жизнь Калерии	16
Журавли вернутся	28
Всё ещё сбудется	35
Текущая вода	40
Ночь на лестничной площадке	56
Было, не было...	58
Смешной случай	71
Дождь на мосту	75
Перед рассветом	80
Палисадник	82
Ужин при свечах	83
Маэстро	86
Прикоснись осторожно	88
В книжку – про Аришку	90

ПОВЕСТЬ

Поезд в деревню	94
---------------------------	----

НОВЫЕ СТИХИ

Несколько слов родным в день рождения.	116
Памяти Сергея Иваненко.	118
За помин души... ..	119
«Тётя Шура – почтальонка».	120
Разговор с мологвардейцем	121
«Реквием» Верди	123
Памяти Высоцкого.	124
Материнская медаль.	125
Молитва	127
Болит душа.. (от автора)	129

Литературно-художественное издание

Рощупкин Анатолий Васильевич

Журавли вернутся...

Редактор – Т.Ю. Корниенко
Компьютерный набор – Л.А. Слюсаренко
Верстка – И. М. Сиренко
Фото – С.Н. Казмин

Сдано в набор 24.01.2018 г. Подписано к печати 28.02.2018 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17. Тираж 200 экз.
Заказ № 226.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.